

Возвращение Грифона

Автор:

Евгений Щепетнов

Возвращение Грифона

Евгений Владимирович Щепетнов

Грифон #2Новый фантастический боевик (Эксмо)

Все-таки практические навыки в полицейской магии – великая вещь! Если бы не они, разве удалось бы Васе Кольцову, его другу Сереге и подружке Василисе отнять у злоумышленников коллекцию золотых монет, да еще и кучу вполне современных денег в придачу? Правда, удачливые кладоискатели по-прежнему находятся в бегах, а теперь с таким богатством им и вовсе недолго пробыть на свободе. Ведь добыть деньги – это еще не все! Надо умудриться оставить их себе. Тем более что на счастливых очень скоро вышли весьма серьезные люди, от предложения которых обычно не отказываются даже самые гениальные маги Вселенной. Впрочем, бывший маг-оперативник Вася Кольцов на многое не претендует: деньги, свобода, любовь и... чтобы всякая потусторонняя нечисть знала свое место!

Евгений Щепетнов

Возвращение грифона

© Щепетнов Е., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

* * *

Мы бренны в этом мире

под луной,

Жизнь – только миг,

небытие – навеки,

Кружится во Вселенной

шар земной,

Живут и исчезают

человеки.

Ю. В. Андропов

Пролог

Снова и снова приходит ко мне мысль – правильно ли я поступил? Зачем мне все это было нужно? И снова говорю себе – я по-другому не мог. В общем-то, мне некуда было деваться – разве я мог бросить без защиты Василису, которой грозила смерть? Какой нормальный мужчина бросит влюбленную в него девушку, даже если на нее ополчился весь мир и находиться рядом с ней равносильно тому, как если бы он сел на тикающую бомбу?

Впрочем – вполне допускаю, такие бы и нашлись. Но только не я, Вася Кольцов, бывший полицейский маг, бывший телохранитель, а ныне, ныне... кто я теперь? Великий маг? Неизвестное науке существо? Мессия? Или просто человек, волей обстоятельств закружившийся в водовороте невероятных приключений?

И то, и другое, и третье, и четвертое.

Несет меня ветер мироздания по чужим мирам, ставшим своими, к непонятному будущему, и никто не может предсказать – что ждет в конце. А будет ли он,

конец? Нет конца вселенной. Есть только начало.

Глава 1

– О боже мой! Сколько времени я не была на улице – это уму непостижимо! Солнце, люди! Море! Класс!

– И сколько времени? Всего-то пару дней посидела в квартире – под кондиционером, с вкусной едой и любимым мужем – вот уж трудности-то неопишуемые!

– Вась, ты не понимаешь. Тут же воздух, солнце! И вообще – ты какой-то мрачный, невеселый. Похоже, что когда делал физиономию, думал о чем-то мрачном. Так и остался этот отпечаток мрачности на твоём лице. Правда, Сергей?

– Не знаю. Вообще-то, поменьше бы болтали, а больше думали об операции. Успеете ещё наболтаться.

– А ты уверен, что он дома? И вообще – уверен, что он тебя запустит к себе домой?

– Он дома, в это время Альберт как раз приходит домой, я узнавал. Запустит ли домой? Запустит. Мы Василису под его ясные очи представим – от такой красотишки не откажется даже гомик. Впрочем – вроде как он не брезгует никем – ни друзьями, ни подругами. Но это мы уже обсуждали. Не говорите ничего лишнего на улице. Уши есть и у магнолий.

Мы замолчали и пошли дальше, избегая столкновений со стайками отдыхающих, хаотически перемещающихся в пространстве и держащих в руках различные средства самоспасения – надувные матрасы, крокодилов, уточек и бегемотиков.

Идти было недалеко – Альберт Козлоченко, убийца своего отца, жил в девятиэтажке невдалеке от набережной, на тенистой улице, спускающейся к морю.

– Вот этот дом, второй подъезд. Действуем, как договорились. Входим в дом, поднимаемся, Василиса звонит в дверь и сообщает, что она новая соседка и хотела бы попросить у Альберта немного сахара, так как не хочется идти в магазин. Это тупо, но сработает – стоит только глянуть на сиськи твоей жены в топике, особенно когда она вздыхает. Ага – вот так! Мамма-миа... ну почему я не колдун? И так, Альберт откроет, тут и мы появимся. Вали его сразу сонным заклинанием, не раздумывай.

– Серега, мы все уже обсудили, и не раз. Не повторяйся. Я все помню.

– Это я так, на всякий случай. Не люблю пускать дело на самотек. От мелочей зависит исход операции – это я давным-давно уяснил. Надеюсь, уяснишь и ты.

Открывать дверь подъезда заклинанием отмыкания не пришлось – дверь перед нами открылась, и появилась девушка с собачкой-болонкой, подозрительно осмотревшей и обнюхавшей нашу компанию. Компания ей не понравилась, так что собака фыркнула и слегка зарычала.

– Тише, Марго! Гуляй! – прикрикнула девушка и, не обращая внимания на нас, соскочила по ступенькам во двор. Сергей уже держал дверь, и мы спокойно вошли в подъезд, как всегда, загаженный рекламными трехмерными картинками грудастых див в соблазнительных позах.

Заглядевшись на одну из них, я едва не наступил в кошачье дерьмо, вольготно расположившееся на верхней ступеньке, как подарок партизан вражескому эшелону.

– Заразы! – выругался рядом Сергей. – Мордой бы их в эту кучу! – Похоже, что он все-таки подорвался на «мине» и теперь истово оттирал подошву о ступени.

Поднявшись на нужный этаж, мы остались стоять на лестнице, выходя из поля зрения камеры слежения, укрепленной над дверью Козлоченко. Василиса же пошла к двери, поправила микрошортики, в которых она сильно смахивала на проститутку с рекламного листка, натянула поплотнее топик, не закрывающий пупок и больше похожий на лифчик, и сделала глупое лицо с легкой блуждающей улыбкой, приличествующее даме свободных нравов и нелегкой профессии. Затем нажала на панельку возле двери. Мы затаили дыхание – дома

или не дома?

Дома!

Тарабарщина с сахаром и сладкой жизнью сработала – хозяин квартиры больше всматривался в формы посетительницы, чем вслушивался в ее слова. Дверь распахнулась... и я тут же выпустил сонное заклинание в того, кто ее открыл. Высокий мужчина лет тридцати пяти – сорока рухнул на пол, выронив из руки пистолет, глухо ударившийся о бетонный, покрытый линолеумом пол лестничного пролета.

– Быстро! Берем его!

Мы бросились к упавшему и, схватив его с обоих боков, быстро затащили в квартиру. Василиса нагнулась, двумя пальчиками, как какую-то гадость, подняла пистолет и вошла следом.

– Стоять! Полиция! – неожиданно перед нами появился индивидуум, держащий в руках пистолет Макарова, неизменный спутник всех ментов на протяжении ста лет. Кстати, такое ощущение, что это уже не пистолет, а что-то вроде части формы – ну как себе представить мента без «макарова»? Нонсенс!

– Эй, ты, брось пистолет, иначе стреляю! – угрожающе заявил человек с восточными чертами лица, обращаясь к ошеломленной Василисе. Та постояла секунду без движения, а потом, размахнувшись, бросила пистолет в незнакомца. Тот увернулся, «макаров» врезался в косяк и тут внезапно прозвучал выстрел. Сергей, стоящий рядом со мной, вздрогнул и схватился за бедро, а я, воспользовавшись суматохой, сделал пассы руками и метнул сонное заклинание в кавказца. Тот упал и больше не шевелился.

– Сильно ранен?

– Ляжку прострелили. Видать, когда пистолет ударился о стену, стряхнуло предохранитель и он пальнул. Выдают всякую древнюю гадость. Хорошо хоть не с карамультуками заставляют ходить на работе. Перевязать надо – кровь свищет неслабо. И больно, ужас как. Будто бейсбольной битой врезали. Мне как-то один нарк на притоне битой врезал – ощущение, я тебе скажу, малоприятное. Я потом эту битую ему в зад засунул.

– Что, правда в зад? – не поверила Василиса. – Это, ты прости, что случайно тебя подстрелила... я не хотела.

– Было дело. Молодой был, горячий. Сейчас бы просто отлупил, и все. А тогда... Ну что, ищем бинты? Что касается ранения – да ты ни при чем. Старье эти пистолеты, так что ничего удивительного, что при падении он пальнул.

– Обойдемся без бинтов. Лежи спокойно – сейчас будет зудеть.

– Ай! Ой, ой! Ни хрена себе – «зудеть»! Опять злостными заклинаниями балуешься! Ой, ой!

– Терпи, ну что ты как баба! Кстати, насчет баб – Василису лечил, она так не вопила и терпела.

– Так бабы всегда терпеливее, ясно дело! У них чувствительность слабее, чем у мужчин! Шкура толще!

– Добавь ему еще, пусть позудит как следует, – мстительно попросила Василиса, чтобы не болтал чего не надо.

– Сейчас все пройдет, – пожал я плечами, – минуту уж можно потерпеть? Зато теперь рана не болит. Кстати – если были какие-то болезни, – теперь ты и от них излечился. Чист, как горlinka. Это что за мужик-то был? Со стволом?

– Миша Исхаков, кто же еще? Его поделник. Откуда взялся – хрен его знает. Он не должен был тут находиться. Его вроде как в командировку отправили. Хммм... и правда не болит. Силен. Тебе бы врачом работать, а не злодеев искать. Какого черта ты в полиции забыл? Ладно, решай вопрос. Я в порядке.

– Нож найдите... кровь пустить надо.

Через полчаса оба негодяя сидели перед нами и взахлеб рассказывали, как и почему они совершили свое преступление. Ужасное преступление. Вообще-то, я читал, что для отцеубийц в аду приготовлены особые условия – прямо по их «заслугам».

Мы все верно догадались – проигравшись в казино, Альберт попал под пресс уголовных авторитетов и со дня на день ждал, что ему отстрелят башку. Просьба отца была очень своевременной – кстати, Альберт и до этого подумывал о том, чтобы грабануть папашу – тем более что он его всегда недолюбливал и считал ненормальным. И разве справедливо, что этот ненормальный имеет деньги, а его сын нет? И помирать папаша не собирался. А тут еще и приезжий, сделка – точно приедет с наличными. Обычно эти делишки обстряпываются именно наличными. В общем – дальнейшее мы уже знали.

Деньги два подельника поделили – большую часть взял себе Альберт, но и Мише кое-что перепало, очень даже кое-что. Пятьсот тысяч евро. Коллекцию они не продавали – пока что не было необходимости. Притом Альберт какой-никакой, а все-таки мент, и понимал, что стоит начать продавать коллекцию – тут же засветится. Кстати сказать, он потом понял, что сглупил – надо было подождать окончания расследования и нормально вступить в права наследства. Тогда и коллекцию можно продать. Но сработала жадность, а еще он, зная своих коллег, решил – попрут ведь монеты. Не все, но попрут. Положат в карман – кто потом скажет, сколько их было? Некому сказать. Вот и забрал. Ну а нас подставили довольно умело и позвонили, вызвав полицию. Нормальное дело. Любой бы сообразил, что выгоднее подставить двух лохов, чем оставить все как есть.

– Деньги где? – безмятежно осведомился Сергей.

– Отвечай ему! – приказал я (заклятие-подчинение было сделано на меня и на Василису, Сергея он игнорировал).

– Часть отдал за долг, часть лежат на антресоли, в пакете, – с готовностью ответил Альберт, – ваши монеты лежат вместе с коллекцией, в шкафу, под одеждой.

– Сергей, достань, пожалуйста! – попросил я. – Только позаботься, чтобы не оставить отпечатки пальцев, ладно?

– Ты чего?! Я что тебе, пацан? – оскорбился опер и демонстративно надел нитяные перчатки, которые достал из кармана.

Через несколько минут перед нами лежали наши пять монет, с которых все началось. А еще – миллион двести тысяч евро и около пяти миллионов рублей.

Неплохая добыча.

– Что будем делать дальше? – спросил Сергей, шурша пачками денег и выстраивая из них домики. – На деньгах не написано, чьи они. Так что будем делать?

– Заберем, само собой. Деньги нам нужны. А коллекция будет доказательством. Эй, негодяи! Сделаете так: после того как мы уйдем, вы являетесь в управление ФСБ и заявляете, что совершили убийство, грабеж и готовы написать явку с повинной. И пишете все, что вы сделали у Козлоченко. А также все, что противозаконного вы творили, будучи полицейскими. Категорически запрещаю вам упоминать то, что мы были у вас в гостях и что это мы направили вас с повинной. Запрещаю упоминать имя Сергея. Нас тут никогда не было. Это только ваша инициатива, так как вы решили сбросить с себя груз вины. Все ясно?

– Ясно! Ясно! – нестройно забубнили негодяи, глядя на меня влюбленными глазами. Не удержавшись (вспомнил старого нумизмата, и ярость взяла – жил дедок, жил, никого не трогал, получал удовольствие от кружочков металла, именуемых монетами, а эти твари...), я приказал:

– В заявлении упомянете, что вы являетесь приверженцами гомосексуализма. И любовниками. Как вы это напишете – безразлично.

– Это жестко! – восхитился Сергей. – Теперь их будет любить вся колония! Если только не дадут пожизненное... там не разлюбишься. Ну хотя бы в СИЗО как следует отлюбят. Заслужили, уроды.

– Пойдете сдаваться через полчаса после того, как мы уйдем. Сергей, пощи пакет, а? Надо бабло сложить.

Из подъезда мы вышли тяжело груженные и довольные – все получилось так, как запланировано. Ну – за исключением ранения Сергея, конечно. Но от таких неожиданностей никто не застрахован. Пришлось изыскать в гардеробе Альберта чистые штаны. Сергеевы все пропитались кровью.

– И теперь куда? Надеюсь, баблом поделишься, порботитель?

– Теперь сидим у тебя в квартире, пока не притаскиваешь паспорта. И затем летим в Москву – устанавливать справедливость. Ты вот что – подумай, как нам туда долететь. Официальным рейсом мы не можем – с таким грузом денег да золота.

– А чего думать? Есть у меня один человек с частным самолетом. Семиместным. Дадим ему бабок и полетим в Белокаменную. Придется брать отпуск...

– А ты напиши рапорт на увольнение, да и поехали с нами. Будешь работать на нас. Зарплата больше, чем в полиции. Будешь так же искать злодеев, расследовать дела, только теперь за хорошие деньги. Как тебе это?

– Если прикажешь, то – да. А так... подумать надо. Зачем мне менять мою жизнь, вполне приличную и размеренную, на должность какого-то частного сыскаря? Зарабатываю я неплохо – официально и в черную, так что...

– Ну, как знаешь. Неволить не буду, – слегка обиделся я.

Почему-то мне казалось, что Сергей сейчас же крикнет: «Да, да, конечно! Я всю жизнь мечтал работать на тебя!» Не так, конечно, но что-то в этом роде. И когда он высказал то, что думает, стало ясно, что не все так просто. И правда – зачем ему менять размеренную, сытную жизнь на неизвестность? Связываться с двумя «преступниками», гонимыми по свету, как перекасти-поле.

Когда подходили к дому, где находилась квартира Сергея, обратили внимание на то, что возле него стоит толпа народа, припаркованы автомобили с надписями «Телевидение», стоят патрульные автомобили полиции и творится всеобщая суета. Вокруг важно ходят люди в белых халатах, а человек, напоминаящий всех чиновников на свете, стоит перед парящими в воздухе автоматическими телекамерами и вещает, тараща глаза и надувая щеки.

Мы вначале насторожились и встали в сторонку – не по нашу ли душу прикатила вся эта камарилья? Оказалось – нет. Впрочем – да. Впрочем... тьфу! В общем – велось расследование того, как это все граждане в радиусе пятидесяти метров разом стали обладателями гладких, как бильярдные шары, голов. Моя работа, однако.

С одной стороны, – меня переполняла гордость – это надо же так жажнуть, чтобы все в радиусе пятидесяти метров облысели, это какую нужно иметь магическую мощь! А с другой стороны – мощь эта сравнима с тем, как если бы ребенку пяти лет дали противотанковый гранатомет и показали, как нажать на спуск. Он и нажал...

Я был слегка смущен и раздосадован.

– Валить надо отсюда, – хмуро сказал Сергей, разглядывая происходящее вокруг, – рупь за сто, что этим событием заинтересуются фээсбэшники. Они всегда суют нос туда, где происходит что-то странное, необъяснимое. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять – тут поработала Магия. Что бы я сделал на их месте – начал поквартирный опрос. И обязательно кто-то бы сказал, что в моей квартире поселились незнакомые люди – некая парочка, подходящая по описанию на тех, кого разыскивают. На некоего мага и его девушку. А если связать – я, похищенный парочкой, – парочка, проживающая в моей квартире, – сразу появляется мысль, а не находится ли хозяин квартиры под контролем? Не захвачен ли он? И не взять ли странную парочку и их жертву для допросов? Кстати сказать – я вчера почувствовал, что за мной кто-то следит. На всякий случай сбросил «хвост». Сегодня наблюдения не ощущал, но это ничего не значит. Захотят взять нас в разработку – мы ничего не почувствуем, пока не подойдут с наручниками. Так что сейчас берем вещи и быстро отсюда валим.

– Согласен, – подумав, сказал я, – давай сделаем так: ты идешь в квартиру, берешь золото и выходишь к нам. Мы все уходим. Куда? Подумаем. Валить из города надо. Позвони своему другу насчет самолета. Уходить надо быстро.

Сергей кивнул и быстро зашагал к дому, раздвигая плечом тех, кто толпился возле подъезда. Кто-то кинулся к нему за комментариями, но он отодвинул человека в сторону и шагнул в подъезд.

Мы с Василисой отошли подальше и уселись метрах в пятидесяти в стороне, рядом с двумя интеллигентными старушками, наблюдавшими за событиями и громко комментировавшими происходящее. С их слов выходило, что некий маг забрался в этот дом и в террористических целях произвел выброс заклинания, желая запугать граждан и устроить хаос и панику в городе. Зачем? Чтобы бросить тень на нынешнего мэра, и тот проиграл на выборах.

Мы послушали неожиданный вывод населения, переглянулись, а Василиса тихонько похихикала в кулак.

Одна из старушек это заметила и сказала, что мы напрасно смеемся – планы уголовного мира простираются настолько далеко, что мы даже себе и представить не можем, потому что молоды и в голове у нас одним поцелуйчики. На что вторая старушка, вздохнув, заметила:

– И слава богу. Сбросить бы лет пятьдесят, я бы об этом мэре и не вспомнила, и вообще бы ничего не вспомнила, кроме поцелуйчиков! Целуйтесь, ребята, любите друг друга... жизнь так коротка! Потом пожалеете, что не использовали каждую минуту жизни, чтобы любить друг друга.

После чего обе старушки загрустили и замолчали, а мы, переглянувшись, встали и пошли прочь, к Сергею, идущему нам навстречу.

– Я созвонился с человеком. Встанет нам в копеечку – по три тысячи баксов с человека. Самолет уже готовится, нам нужно заехать за паспортами – обещано сегодня к ночи. Сейчас заедем к ней домой. Это... вы снизу подождете, хорошо? Толпой ходить к ней не стоит. И еще – если меня не будет полчаса – минут сорок, не беспокойтесь. Я приду.

Глаза Сергея метнулись из стороны в сторону, а Василиса ехидно спросила:

– А хватит вам получаса? Можно и час подождать, ничего страшного. Должен же ты как следует отблагодарить свою подругу.

– Хватит, – буркнул Сергей, – язык у тебя...

– Нормальный язык, – непонимающе подняла брови Василиса, – розовый, здоровый – вот, погляди!

Она высунула язычок и покрутила им в воздухе, от чего Сергей еще сильнее нахмурился, отвернувшись в сторону. Я тихо показал Василисе кулак, после чего она шепнула:

– А я чего? Я ничего! Уж сказать ничего нельзя! Я против, что ли? Пусть себе развлекаются.

Ожидание и вправду затянулось на час – это время мы сидели в кафешке рядом с домом работницы паспортного стола, пили сок, ели стейк с жареной картошкой, наслаждаясь вечерним покоем, тишиной и шелестом орехового дерева над головой. Дневная жара уже спала, так что было нежарко, но довольно тепло. Летнее кафе постепенно заполнялось посетителями разного социального статуса и облика – от элегантных парочек до каких-то гопникообразных граждан.

Впрочем, в нынешние времена определить по внешнему виду, кто есть кто, было непросто – вот тот мордастый гражданин, похожий на какую-то шпану, может быть менеджером среднего звена большого банка, расслабляющимся на отдыхе, а вот та интеллигентная парочка – водителем такси и его подружкой. Сейчас в мире многое перемешалось, стерлись грани между сословиями. Тем более на отдыхе. С некоторых пор возникла такая тенденция – ездить на отдых на российские курорты, – это после того, как волна катаклизмов, обошедшая весь мир, напроць уничтожила множество островов и прибрежных курортов во всем мире, прихлопнув тысячи туристов, в том числе и российских. Россияне стали бояться ездить на зарубежные курорты.

С одной стороны, для наших курортов это хорошо, развиваются, деньги остаются в стране, а с другой – все подорожало, а уровень сервиса остался практически на прежнем уровне. Сам-то я не мог сравнить, не бывал на курортах за границей, но читать-то и слышать не разучился.

Мы поели и, попивая напитки, расслаблялись в креслах. Возле меня лежала целая сумка денег – столько я не видел никогда и не думал, что увижу. Почему-то они перестали для меня представлять большую ценность – ну деньги и деньги, возможность выполнить какие-то свои задачи, инструмент – как пила или топор. Деньги сильно ценишь, когда их мало и когда заработать их трудно, тяжело и нереально сложно, а когда они у тебя есть, и много – начинаешь относиться к ним с презрением. Да, легко презирать деньги, когда они у тебя есть.

Заиграла музыка – настоящая, не с флешки или из Сети. Три музыканта музицировали что-то из старого – я узнал «Битлз», вечную музыку на все времена. Моей любимой песней было «Yesterday», и, подойдя к музыкантам, я

сунул им купюру и попросил ее сыграть. Что они и сделали.

Мы сидели, слушали, а потом Василиса встала и протянула мне руку. Я плохо танцую, но как мог отказать своей любимой женщине? Мы танцевали обнявшись, глядя в глаза друг другу, и мне было очень хорошо. Надеюсь, Василисе тоже.

Внезапно она ойкнула и обернулась:

- Потише, пожалуйста!

Я посмотрел – какая-то девица, вдрызг пьяная толкнула мою жену, а когда та обратилась к ней с претензией, покрыла ее матом на все буквы. Я замер, зная свою Василису, следовало ожидать бури. И она не заставила себя ждать.

Это была не буря, а целый торнадо – пьяная девка снесла два столика и устроилась отдыхать между ног того самого «менеджера», на мордастой физиономии которого возник неподдельный интерес к появившемуся в интересном положении объекту.

Дальше события развивались очень быстро и живо – упавшая девка сидела за столиком с пятью такими же, как она, дамами полусвета, накачавшимися еще до нас. И при нас вошедшими в полную кондицию. Они с визгом бросились на Василису, чтобы покарать обидчицу – в корпоративной солидарности проституткам не откажешь. Я забросил Василису за спину и героически принял удар на себя, тут же покрывшись полосками от ногтей фурий и синяками от пинков крепких длинных ног.

Василиса выглядывала из-за моей широкой спины и, подпрыгивая, пыталась стукнуть какую-нибудь из обидчиц босоножкой, снятой с ноги, чем приводила их в еще большую ярость. В бой вступили и мужчины, сидевшие рядом. Женское побоище они восприняли как сигнал к началу веселья – один посмотрел не так, другой что-то сказал, толкнул, а еще были выдвинуты небеспочвенные претензии ко мне как «владельцу» буйной девицы, снесшей два столика телом пьяной девки.

Я, отмахиваясь спереди и сзади сдерживая Василису, бросающуюся в бой, отступал к драгоценным сумкам с деньгами и золотом. Напряжение достигло такой стадии, что обычными методами остановить побоище было нельзя.

Барменша визгливо кричала: «Полицию! Вызовите полицию!» В воздухе мелькали стулья, бутылки. Одна из них ощутимо врезала мне по макушке – благо, что вскользь.

Наконец, я решил прекратить это торжество духа и плоти и выкрикнул сонное заклинание. Из всех, кто находился в кафе, легли девяносто процентов – на ногах остались только «менеджер», добивающий своего противника, интеллигентная парочка да еще пара-тройка человек, видимо, защищенных охранными амулетами. Бой завершился.

Подхватив сумки, мы быстро свалили из кафе, чтобы натолкнуться на Сергея, выходящего из подъезда. Он был доволен, расслаблен и слегка улыбался, насвистывая какую-то бодрую мелодию. Окинув нас взглядом, удивленно поднял брови и задумчиво спросил:

– Интересно, если вас оставить где-то в безлюдном месте, где и как вы найдете неприятности? Потом расскажете, чего тут творили. Пойдемте на проспект, поймаем такси.

Мы прошли мимо сонного царства под большим орехом, где как тени бродили оставшиеся на ногах персонажи, прибавили шагу, услышав вой полицейских сирен, и, выйдя на проспект, тут же отловили такси, вовремя покинув место очередного нашего приключения, уж и не упомяну – какого по счету.

– Вот ваши паспорта. Все зарегистрировано, пройдет любые проверки. Прописаны в Сочи. Кстати, по паспорту вы муж и жена – Ваншенкины, ты Петр, а ты Ольга.

– А мне нравится – Ольга! Хотя мое старое имя мне нравится больше. Надеюсь, мы сможем вернуть его назад.

– Сможем, сможем, – бодро заявил я, совсем не уверенный в своих словах. Единственно, в чем я был уверен, это в том, что сделаю все, что можно, чтобы попытаться сделать это. А там... там видно будет.

Самолет меня удивил, я ожидал что-то автомобилеподобное, стремное, как такси Заводского района. Ан нет – небольшой реактивный самолетик, со всеми удобствами – от бара до туалета. Даже поспать можно при желании.

Пилот, мужчина лет сорока с непроницаемым лицом, поприветствовал нас и вежливо осведомился – не пора ли нам на взлет? Мы ответили: «Пора». Красивая белая птичка с обратной стреловидностью крыла шустро вырулила на взлетную полосу, быстренько разогналась, и скоро мы уже неслись, рассекая воздух.

Лететь в самолете было не в пример комфортнее, чем на каких-то там магических средствах. Вообще-то всегда удивлялся этому делу – неужели нельзя сделать магические средства перелета более комфортными, чем сейчас? Ох, уж эти коврики, не изменившиеся со времен джиннов! Все-таки мы не во время царя Соломона живем, можно же сделать что-то и посовременнее. Впрочем – для этого надо быть магом высшего уровня, а их – раз, два и обчелся.

Я все время поглядывал на лежанки, устроенные за занавесками, потом не выдержал и тихонько толкнул Василису в плечо:

– Глянь, не хотела бы? Прямо в воздухе... экзотика, а?

– При Сергее?

– А занавески задвигаются...

– А вдруг заглянет? Кроме того... Вась... ты же знаешь... я не могу.

– Ну да, да... помню. Черт побери... было бы что вспомнить!

– А то вспомнить нечего, что ли? А на вулкане? А первую нашу брачную ночь помнишь? Кстати, совсем не больно было. Ну... почти не больно. Ты заклятие на меня накладывал?

– Нет... с какой стати? Я и не умел тогда. Грифон в моем мозгу тогда помалкивал, сидел, как червяк, и молчал.

– Не говори так – противно как сказал. Червяк... не червяк он. Мне жалко, что он ушел. Можно было бы расспросить его о многом – об иных мирах, о том, как там живут люди... о магических цивилизациях.

- Ты чего? Ведь почти все знания грифона - во мне! Я - грифон!

- Хмм... я как-то и не подумала. И ты что, помнишь все, что он знал? Вась, это же здорово! Это классно!

- Нууу... не все помню, но многое. Всплывает в памяти, как будто я когда-то был, что-то делал. Ну представь себе, что ты вспоминаешь, как ты жила где-то там у бабушки. Ты много помнишь из детства? Основное помнишь, а какие-то детали забылись, все как в тумане. Помню много заклинаний - столько, что раньше мне это и не снилось. Невероятное количество. Некоторые я даже не знаю, как и применить. Например, заклинание поиска определенных руд полезных ископаемых. Или заклинание отращивания длинных ногтей. Или заклинание выведения пятен на коврах. Или... в общем - каких только нет - вплоть до заклинания для мытья посуды и чистки котлов! Кстати, это заклинание работает и у тех людей, что не владеют способностями к магии - надо только зарядить амулет и все. Обычную деревяшку из красного дерева, кубик три на три сантиметра. Его хватает на несколько лет.

- Хммм... мы можем открыть завод посудомоечных амулетов, - с восхищением сказала Василиса, глядя на меня влюбленными глазами, - слушай, а ты помнишь, как грифоны занимаются любовью?

- Да на фига тебе это?

- Ну так... интересно.

- Бабский вопрос. Притом какой-то извращенческий. Дурно пахнет, а?

- Тьфу... глупый! Я что, зоофилка какая-то, что ли? Совсем спятил! Просто такие красивые существа, с радужными крыльями... красотища! Они, наверное, взлетают в вышину и, кружась в лунном свете, сливаются в любовной страсти!

- И ничего подобного. Происходит все, как у нас с тобой прошлый раз - только я при этом не хватаю тебя клювом за спину и не хлопаю крыльями в последний момент. А ты не клекочешь и не машешь хвостом. Делов-то.

– Испортил красивую картинку. Ну тебя на фиг! Пойду спать. И не подкрадывайся ко мне, бесполезно. Дня через два можно будет. А пока – отвали, приземленный скучный мужлан.

Сердитая Василиса пошла за занавеску, а я остался один, ухмыляясь, как идиот – то, что я описал своей жене, было именно так, как я описал. Все всегда бывает гораздо приземленнее и проще, чем мы себе представляем. Все красивые описания любви есть не что иное, как обычные процессы размножения. Впрочем – не все ли равно? Это ничего не меняет.

Занятый своими мыслями, я не увидел, как Сергей встал и включил здоровенный виртуальный экран, занявший половину самолета. Изображение было качественным – приему спутникового сигнала не мешали ни дома, ни горы, ни провода. Картинка шла великолепная.

Сергей долго щелкал каналами, пока не нашел канал центрального телевидения. Как раз передавали новости, и, прибавив звук, мы расслабленно стали наблюдать за очередными скандалами в Думе, за выступлениями оппозиции, требующей допустить их к кормушке, изгнав тех, кто сейчас из нее жрал. Все было скучно и тускло, все как всегда.

Я давно уже не смотрел телевизор именно по этой причине – какого черта там смотреть? Годами одно и то же, одно и то же. Кроме криминальных новостей, конечно, но это уже чисто профессиональный интерес. Все-таки моя работа заключалась именно в том, чтобы разбираться с событиями, описанными в криминальных новостях.

Послушав минут десять, я плюнул и отключился – неинтересно. Ну на кой черт мне знать, что в какой-то там корпорации произвели обыски и изъяли документацию? Ну поворовали, и хватит. Пусть этими делами обэповцы занимаются, меня от финансовых документов тошнит. Вот если убьют кого-то или похитят – это мое дело. А тут...

– Ты чего дрыхнешь-то? Ты слышал, что творится? – голос Сергея вырвал меня из сладостных грез. В них я летал в вышине и при этом творил с Василисой нечто непотребное...

– А чего творится? – недовольно спросил я и чихнул, как бы в подтверждение своего презрения к теленовостям.

– Ты слышал про обыски в корпорации?

– Ну, слышал. И чего?

– Тьфу, черт! Это корпорация отца Василисы! Его собственность! И она банкрот!

– Как банкрот? – глупо спросил я. – Что, совсем банкрот?

– Совсем. Деньги выведены неизвестно куда, раздроблены по мелким фирмам-однодневкам, следы потеряны. Похищены миллионы тонн нефти и газа. Куда все подевалось – никто не знает. Счета семьи Гриньковых арестованы, на собственность наложен арест. Братца Василисы разыскивают, чтобы предъявить обвинение в мошенничестве. Как тебе это?

– Пока никак, – растерянно сообщил я, – совсем никак. Не понимаю. Это что получается – их семейка теперь нищая? И что это меняет? Мне кажется, ничего.

– Да, ты прав. Но не совсем. Немного меняет. Теперь всем будет слегка не до вас.

– А мне кажется, будет еще хуже. Все решат, что деньги похитили мы с Василисой. Что хитрый маг не только сумел окрутить несчастную дочь олигарха, но и каким-то образом выманить деньги.

– И это возможно. Ваше коварство не имеет границ! Но дело вообще-то пованивает. Если исчез твой родственничек, что это означает? Или он все это затеял, или его грохнули.

– Гадать бесполезно. Когда прилетим, тогда и узнаем. Василисе пока не говори, ладно? А то разволнуется...

– Я все слышала, – из-за занавески показалась безмятежная и спокойная Василиса, – почему ты считаешь, что я буду биться в истерике, узнав, что моя семья разорилась? Да мне плевать. Ты у меня есть, деньги мы заработаем,

считай, уже заработали, а что там с отцовскими деньгами – мне абсолютно все равно. Не все равно только одно – все-таки хочется узнать, кто за этим стоит. Слишком уж красиво все обстряпано, согласны?

– Еще бы не согласны, – усмехнулся Сергей, – вообще-то удивительно, что ты до сих пор жива. Скажи спасибо своему ангелу-хранителю!

– Спасибо, Вася! – с придыханием сказала Василиса, и мы покатались со смеху.

Летели недолго – всего около двух часов. Еще какое-то время ждали разрешения на посадку, и наконец самолет стукнул колесами о землю. Я облегченно вздохнул – все-таки техника... конечно, мы надели летательную одежду, если что – вспорхнули и полетели, но все-таки...

С пилотом расплатились на выходе – он молча принял деньги и, не пересчитывая, положил их в поясную сумочку. Потом кивнул головой, видимо, это означало, что наши обязательства выполнены и мы можем валить куда глаза глядят.

А глядели они у нас на машину, стоящую возле самолета. Она была неприметной, темной, с тонированными стеклами и, скорее всего, двойного управления. Возле нее стояли четверо людей в неприметных костюмах, с неприметными лицами, и когда я бросил в них заклинание, совершенно спокойно это восприняли, не поведя даже бровью.

Вперед вышел один из них и негромко сказал:

– Прошу вас проследовать в микроавтобус – с вами хотят поговорить. Сразу скажу – мы защищены от заклинаний, в чем вы уже могли убедиться. Вам не причинят вреда, если, конечно, вы не собираетесь устроить тут небольшую локальную войну. Если собираетесь – вас подстрелят снайперы, но вы все равно проследуете туда, куда нам нужно. И еще – улететь не удастся – наши снайперы влет бьют тоже очень недурно.

– Говорил я тебе – за нами кто-то следил! – угрюмо и зло процедил Сергей. – Похоже, это наши «соседи», так, господа?

– Вам все скажут – все, что посчитают нужным, – сухо заметил человек в черном, – грузитесь в машину. Сумочки ваши можете держать у себя – никто на ваши деньги и золото не покушается.

– Кхе-кхе... – у меня внезапно сперло в зубу, и я чуть не выронил сумку с деньгами. Сергей скривился и буркнул:

– Точно, под колпаком у Мюллера все это время. Болваны мы!

Незнакомец слегка усмехнулся, но протестовать не стал...

Машина неслась по шоссе, как атакующий буйвол на охотника. Куда мы ехали, зачем – вопрос, конечно, интересный. Однако я не стал протестовать или вступать в последний и решительный бой – пока мы живы, есть надежда. И почему-то я был уверен, что все не так и плохо. По крайней мере для нас.

Ехать пришлось около часа, и в пробках мы не стояли. Из чего я сделал вывод, что мы где-то далеко за городом, в Подмосковье. При такой скорости уехать могли довольно далеко.

Наконец путешествие закончилось. Автомобиль остановился, и раздвижная дверь мини-вэна открылась, пропустив нас наружу. Спрыгнув из салона, мы оказались на мелкой щебенке, которой был усыпан весь двор, засаженный ровными рядами подстриженных кустов, украшенный клумбами с распускающимися цветами. Вдоль высоченного забора цвели деревья, распространяющие в воздухе свежий аромат. Похоже, что цвели абрикосы. А может, вишни. Не знаю, не специалист в сельском хозяйстве.

Нас провели в дом и усадили в кресла перед небольшим столом, на котором громоздились бутерброды с икрой, колбасой, ветчиной, стояли чайные чашки, сахар и шоколадные конфеты в вазочках, красовался блестящий чайник, из носика которого шел пар.

Провожатый без тени усмешки заверил, что в еде нет никаких психотропных или ядовитых веществ, и удалился, пожелав приятного аппетита. Мы молча замерли в своих креслах, и лишь Сергей, вздохнув, сообщил:

– Это не просто «соседи». Это гораздо выше. И еще – лишнего не говорим, мы, кажется, уже крепко наговорили. Они знают о нас все или почти все. Нас все это время слушали.

– Конечно, слушали. И услышали очень много интересного, – усмехнулся незнакомый мужчина, усаживаясь за стол перед нами, – вы молодцы, долго сопротивлялись. И еще больше молодцы, что не стали сопротивляться сейчас. Это умное решение. Всегда нужно вначале подумать головой, а уж потом действовать руками. Или оружием. Главное в войнах – принять правильное решение. Ведь от него зависят жизни и судьбы людей. Итак, предвосхищая ваши вопросы, сообщу – меня звать... хмммм... Петр Иванович. Само собой – это не настоящее имя. Настоящее знаю только я да отдел кадров. Отдел кадров чего – вам знать тоже необязательно. Сразу поясню ситуацию: я знаю, что передо мной Василий Кольцов и Василиса Гринькова. И их помощник, подчиненный с помощью заклинания. Василий является магом высшего уровня, вероятно, самого высшего, какой есть на Земле. Вы оба в бегах по обвинению в мошенничестве, убийстве, изнасиловании и бла-бла-бла... в общем, негодяи вы. Тихо, тихо – это я так, озвучиваю официальную версию правоохранительных органов. Мы не правоохранительные органы, мы организация по контролю за организациями, если можно так выразиться. Подчиняемся напрямую Президенту. И честно говоря, пока не возникла угроза национальной безопасности – вы были нам неинтересны. Ну изнасиловал Василий Василису, подчинил ее себе заклинанием – какое нам дело? Это вопросы частные и не подлежат нашей компетенции. А вот когда неожиданно пропало несколько десятков миллиардов долларов со счетов корпорации Гринькова – вот тут уже вопрос интересный. И тут затронуты интересы влиятельных людей и самого государства. Деньги, что там крутились, были и государственными, и частными. Знаем, что вы к этому делу не имеете никакого отношения. Знаем, что никто никого не насиловал. И знаем, что вы не имеете отношения к исчезновению денег. Но! Вы должны нам помочь их найти. В противном случае – мы попросту сдадим вас полиции. Или уьем. Тихо, тихо! Это был кнут.

Теперь пряник: если помогаете найти деньги, с вас снимаются все обвинения, и вы живете своей жизнью, так, как вы хотите – хотите, под новыми именами и лицами, а хотите – под старыми. Самойлову не будет предъявлено обвинение за пособничество преступникам, и он тоже будет заниматься чем хочет – хочет, работает в полиции, а хочет – работает с вами, ловит злодеев и находит пропавших людей. Кстати, мы могли бы с вами сотрудничать в этом плане. Нам доверенные люди нужны. Забыл, ваши деньги и золото никто не тронет, на них никто не претендует. И еще, кстати, красиво вы обстряпали с Козлоченко – они с

Исхаковым сейчас усиленно каются в своих преступлениях. Соловьями разливаются. А про вас молчат – вы хороший маг, Василий. Не просто хороший, а феноменальный по силе. На то и расчет в поисках денег. Итак, я сказал. Теперь выслушаю ваши вопросы. На какие смогу – отвечу. Видите, все прозрачно и четко, насколько можно. Слушаю вас.

– Как мы можем вам помочь найти деньги? – недоумевающе спросил я, – вы могущественная спецслужба и не смогли найти деньги? Как это может быть? Не поверю. Я никогда не искал и не ищу денег, я простой маг-поисковик, оперативник. И то не вполне сведущий в оперативной работе. Как я могу вам помочь?

– У вас, Василий, под боком сидит один из сильнейших оперативных работников страны. А вы сильнейший маг в стране, если не в мире. Объединяйте способности и держайте. Ставка очень велика, так что...

– А почему вы не сказали, что вернете отцовские деньги? Ведь у нас были и свои деньги, семьи Гриньковых, почему об этом речи не было? – настороженно спросила Василиса. – И где мой брат?

– Мои соболезнования, но твой брат убит. Его тело находится в морге, – участливо сказал мужчина, а Василиса побледнела как мел, но не расплакалась, – что касается ваших денег – а их нет. Они тоже исчезли, еще перед убийством вашего отца, как это выяснилось в процессе следствия. Все ваше имущество арестовано – долги превысили стоимость имущества в несколько раз. Так что подумайте, прежде чем возвращать себе прежние имена – кредиторы могут предъявить вам претензии, которые они предъявят наследникам Гринькова. Честно говоря, корпорация, в которой работал ваш отец, управляла не своими деньгами. У вас было не очень много денег, по крайней мере, по меркам богатых людей. Ну так... несколько сот миллионов долларов. Почти ничего. Но и они пропали. На них не претендуем, сумеете вернуть – ну что же, кредиторы вас поблагодарят. Ваш отец иногда совершал рискованные сделки, и довольно удачно, но... всему когда-то приходит конец. Соболезную вам и по поводу смерти отца и матери. Представляю, какой это для вас удар. Искренне соболезную. Итак, ваш ответ?

– А мы можем подумать? – угрюмо спросил я.

- Можете. Ведь головной мозг у вас есть, а значит, вы можете мыслить.
- То есть ответ наш формален? Пуля или петля?
- Верно поняли. Ответ может быть только один: «Когда приступить к работе?»
- И когда приступить к работе?
- Как только будете готовы, вероятно, вам нужно будет отдохнуть, переодеться
- все, что нужно для работы, вам предоставят – автомобиль с водителем, охрану, вы будете на полном обеспечении.
- Мы начнем утром. Нам нужно отдохнуть.
- Конечно, конечно – тут за вами зарезервированы комнаты. У вас был хлопотный день, так что вам обязательно нужно отдохнуть. Один разгром кафе чего вам стоил... Константин, проводи наших друзей к их комнатам.
- Друзья, – фыркнула Василиса, – если таковы друзья, то каковы враги?
- А это вы узнаете сами. Вам предстоит трудная работа. Кстати, можете завтра посетить могилу ваших родителей, если будет такое желание. Не возбраняется. Мы же не звери какие-то, понимаем ваше горе. Они похоронены тут, в Москве. Заверяю вас, если вы ведете себя правильно, никаких проблем не будет. Мы могущественная структура, и сотрудничество с нами дает много, очень много бонусов. Для нас практически нет невозможного – кроме воскрешения из мертвых, конечно. Ну все, шагайте, потом еще поговорим.

Комнаты были великолепны – обставлены стильной мебелью, ванная комната с огромной ванной, в которой могли плавать и несколько человек, на что Сергей заметил, что жильцы этого заведения не отказывают себе в маленьких и больших радостях свального греха. Тем паче что кровати представляли собой настоящие сексодромы с возможностью размещения полка гусар и толпы маркитанток. Зеркала, современный телевизор с виртуальным экраном, раздвигающимся во всю стену и полным эффектом присутствия с запахами и вибрацией – при желании. У меня такого никогда не было. Но Василиса заявила, что это не диковинка и она частенько баловалась этим визором. Скоро надоест...

Комнаты нам были предложены две – в одной, приготовленной для нас с Василисой, шкафы заполнены различным барахлом под наши размеры – от нижнего белья до выходных костюмов, в которых не стыдно посетить и бал английской королевы, в другой... ну, в другой мы не смотрели, оставив в ней Сергея, но уверен – там все шмотки были по его размеру.

Каждому были выданы маг-зеркала, так что проблем со связью не будет. Впрочем, пока что звонить мне было некому – с новой внешностью меня не узнают ни отец, ни мать. И рассказывать им, что я – это я и вот почему я стал такой – не было ни малейшего желания.

Мы поплескались в ванной, потом с полчаса сидели и жевали бутерброды, которые нам доставили в номер, запивая их различными напитками – тут было все, от соков до спиртного любой крепости и вида. Позволили себе выпить красного вина – как оказалось, Василиса великолепно в нем разбиралась. Вино, которое она выбрала, было прекрасным – я никогда ранее не пил такого.

После ужина, с чувством выполненного долга, завалились на кровать-сексодром. Впрочем, меня тут ожидал небольшой сюрприз – Василиса не дала мне пропасть без ласки. И выяснилось, что просмотр порнофильмов не такое уж плохое дело... способствует просвещению невинных девиц. Теоретические знания дает, так сказать.

Через полчаса, удовлетворенный, сытый и довольный, я заснул рядом с Василисой, уже легонько похрапывающей у меня на плече. С Василисой на плече спать было неудобно, но я боялся пошевелиться, чтобы ее не потревожить...

Утром разбудило солнце. Сквозь открытые занавески в меня били прямые лучи жаркого весеннего солнца, и я, проморгавшись, открыл глаза и слегка смутился – занавески открывала симпатичная молодая женщина лет около тридцати, а мы с Василисой спали почти голые, сбросив во сне одеяло. Вернее, я голый, как и заснул после вечерних ласк, ну а она в трусиках – по понятной причине. Натянув на себя одеяло, я прикрылся, а женщина тихо сказала:

– Доброе утро. Извините, что разбудила, но время уже восемь ноль-ноль, и вас ждет завтрак. Если вам что-то понадобится, можете вызвать меня по маг-зеркалу или же просто сказать: «Прошу то-то и то-то», и вам доставят. Автомобиль вам будет подан к девяти часам, Петр Иванович просил

поторопиться.

Женщина еще раз мило улыбнулась и вышла из комнаты, открыв окно в сад, через которое свежий ветерок донес запах цветения и мокрой травы стриженного газона.

Василиса тоже проснулась, потянулась и лукаво спросила:

- Как спалось? Эротические сны не снились?

- Не-а. Спасибо, что не оставила меня в «беде». Так что спал без снов, как младенец. А хорошо здесь, правда? После наших мытарств это просто дворец. Люблю запах цветов, обожаю. Вот только ухаживать за садом терпеть не могу. Слишком я городской человек для этого.

- Слушай, Вась, - неожиданно спросила Василиса, недовольно нахмурившись, - я слышала, как эта дама говорила, что если нам что-то понадобится, то желаемое доставят в тот же час. Надо только сказать вслух. Это что, нас постоянно слушают? А может, и смотрят?

- Думаю, слушают и смотрят, - пожал я плечами, усаживаясь на краю кровати, - а тебе не все равно? Мне наплевать.

- Тебе-то да, - Василиса покраснела и натянула на грудь одеяло, - а я вчера, значит, удовлетворяла тебя под прицелами камер наблюдения? Ой, мамочки... стыдоба какая!

- Наплюй. Ты вообще-то с лицом Джессики Альбы, значит, удовлетворяла меня не ты, а она, древняя актриса. Так что ты - это не ты, и тебе нечего бояться. Поняла?

- Хе-хе... - а я как-то не рассматривала ситуацию с такого ракурса, ну ты и голова у меня! И правда - это же не я была, так что наплевать! Эй, вы, там! Смотрите, какие у меня классные сиськи! Вот вам дулю, извращенцы!

- А почему дулю? Ты думаешь, они от нее возбуждятся? - задумчиво сказал я, рассматривая свою благоверную, крутящую две аккуратные фиги куда-то в

потолок. – А сиськи у тебя и вправду классные. Всегда это говорил. Хватит валяться, надо еще позавтракать, сейчас, похоже, и Серега явится. Айда в ванную.

Мы едва успели до прихода Сергея натянуть на себя одежду, кстати, свою, летательную. На всякий случай. Мало ли что... Тем более мне нравилось, как выглядит Василиса в этих шортиках.

Сергей ворвался в номер, как ураган. Он был свеж, бодр, полон сил и горел желанием рассказать, как он провел ночь.

– Представляете, собираюсь лечь спать и говорю: «Две недели без бабы! Ну хоть какую-нибудь, хоть завалященькую! Хоть с попой шершавой, как ананас!» И что вы думаете? Проходит пять минут, дверь номера открывается, и заходит такая детка – как с обложки эротического журнала! Заявляет: «Меня звать Элла». И тут же раздевается, и... в общем – ночь была незабываемой! Я в восторге! Да шоб мы так жили!

– Ты в курсе, что нас пишут во всех ракурсах? – осторожно осведомился я, подняв брови домиком.

– Да пошли они на хрен! Пусть хоть опишутся! Пусть там у мониторов своих... в общем – нечего мне стесняться. Я был на высоте, хоть в порножурнал вставляй. Пусть стесняются те, кому показать нечего! Знал, конечно, что пишут. Тем забавнее было... А у вас вкуснее... ммм... – Сергей прожевал и тут же прямо двумя пальцами, под возмущенный вскрик Василисы, зачерпнул красной икры из вазочки и сунул себе в рот, – а ничо так жизнь! Налаживается! Главное, чтобы не убили на этой службе, а так-то мне тут нравится.

– Это замечательно, что вам нравится, – Петр Иванович возник за спиной совершенно неожиданно, как призрак, мы даже вздрогнули, – те, кто нам служит, вознаграждаются по их заслугам. Машина вас ждет. И хочу еще раз предупредить, – осознайте важность задачи, и... не нужно делать глупостей. За вами наблюдают и будут наблюдать. Извините, это специфика службы.

В машине – небольшом минивэне с тонированными стеклами, находились двое – водитель, и с ним рядом Константин – тот, что вечером, или вернее, ночью, провожал нас до наших комнат. Оба они были лет тридцати от роду, оба в

неприметной одежде, с неприметными лицами – пройдешь мимо, и даже не вспомнишь, что видел такого человека. Подумалось, как визитная карточка Агентства «Серые люди». Люди-призраки...

– Куда поедем? – спросил Константин, глядя на меня.

Само собой – кто тут главный? Кто главная спица в колесе? Василий Кольцов! Приятно, однако... Хихикнув про себя, не думая, кинул:

– Едем на место гибели родителей Василисы. (Я уже давно для себя определил, что делать в первую очередь, когда попаду в город. Первое, с чего нужно было начинать, – допросить тень Владислава Петровича Гринькова.)

– Но это за тысячи километров от нас! – удивленно констатировал наш охранник.

– И что? – пожал я плечами. – Мне нужно туда. Обязательно. Так что решайте с самолетом, решайте со всем, что угодно – мне нужно на место гибели Гриньковых. А также попасть в их дом.

– Надо так надо, – индифферентно пожал плечами Константин и что-то сказал в пустоту, что – мы не расслышали. Но машина сорвалась с места и помчалась вперед, расталкивая воем сирены поток простых граждан. Следом помчалась машина сопровождения – день начинался вполне так забавно и весело.

Глава 2

Самолет зашел на посадку, и я смотрел с высоты на свой город. Нечасто видишь с небес место, где родился, где провел практически все годы своей жизни. Мешанина из заводских корпусов, жилых домов, дорог и дачных массивов, плавно перешедших в городскую черту. Город сильно разросся, три миллиона населения все-таки. Не столица, но... большой промышленный центр, один из главных центров нефтеторговли и перекачки газа.

Нефть потеряла свою актуальность как топливо, но совсем не потеряла ценность как сырье для производства практически всего, чем мы сейчас пользуемся – от

пластмасс до продуктов. Кстати сказать, иногда я подумывал о том, что процентов девяносто того, что я ем, совсем не мычало и не кудахтало, а скорее булькало, истекая из скважины. За последние десятилетия производители научились так искусно маскировать свои подделки под натуральные продукты, что только экспертизой можно отличить. Впрочем – не все ли равно, если бифштекс, который я ем, выглядит как бифштекс, пахнет как бифштекс и усваивается так же, как бифштекс. Вообще-то мне жалко убивать животных. Чем они провинились, что мы вот такие хищники? Как-то зашел в дорогой магазин и увидел на холодильном прилавке несколько молочных поросят. Меня чуть не вырвало – они были ужасно похожи на младенцев, тихо улыбающихся во сне. А этот прилавок напоминал прозекторский стол в морге...

Я поделился своими мыслями с Василисой, она ойкнула, представив этих поросят-младенцев, и заверила, что мы никогда не купим эти трупики. Лучше всю жизнь питаться травой, чем превратиться в поедателей младенцев.

В аэропорту нас ожидал автомобиль, как две капли воды похожий на тот, на котором мы ехали в Москве. Константин прилетел с нами, а водитель и охранники были другими.

Весь полет занял что-то около часа – самолет скоростной, комфортабельный, настоящая воздушная гостиница. Подумалось – вот куда идут народные средства! А я за семьдесят тысяч зарплаты парился в вонючем отделе, в котором даже компов нормальных не могут поставить. Туалет карболкой моют, как в Отечественную войну. Зайдешь – дышать нечем от вони окурков и дезинфекции.

– Сразу на место убийства? – спросил Константин, бесстрастно глядя на нас серыми глазами.

– Сразу, и на место, – подтвердил я, посмотрев на пролетающие за окном машины, на лоскутки дачных участков, на которых под весенним солнцем копошились фигурки дачников-курдючников.

Через час мы были на месте. Автомобили остановились прямо на проспекте, в том месте, где висел знак «Остановка запрещена». Патрульный автомобиль ГАИ, который находился в свободной охоте в двухстах метрах от нас, тут же сделал вираж и подрулил к злостным нарушителям, но после того, как Константин показал ему какое-то удостоверение, испарился от греха долой так, будто его

пнули в зад кованым носком армейского сапога.

– Вот тут, – показал рукой Константин, – огонь велся из двух машин и с крыши девятиэтажки. Вначале их остановили, разбив колеса бронебойными пулями, потом расстреляли из гранатометов и фаерболов. Все, кто был в машине, сгорели практически до костей. И тех мало осталось. Вот здесь еще видно темное пятно. Гриньковых опознали по деталям украшений. Вот и вся информация.

– Ясно. Отойдите в сторону, – приказал я, не глядя на охранников. Они послушно отступили на несколько метров, с уважением и опаской поглядывая на меня. Я вошел в легкий транс и стал нараспев произносить заклинание вызова духа, представляя себе лицо отца Василисы – таким, каким я его помнил.

Вообще-то у меня сложилось впечатление, что Владислав Петрович был неплохим мужиком, хоть и олигархом. О нем неплохо отзывалась Василиса, а я верил ее мнению о людях. Плохого, гадкого человека она не стала бы вспоминать с такой печалью. С ее слов, он был вполне неплохим отцом – не тираном, не деспотом, заботился о ней, о семье. Ну а что он там творил на работе – ей неизвестно. Мало ли кто где-то чего-то творит – родители детям редко об этом докладывают, а может, и никогда.

Заклинание сработало. Через мгновение после того, как я закончил его читать, передо мной появился Владислав Петрович, смотревший на меня безжизненными глазами. Он выглядел так же, как и при жизни, – костюм, галстук, полуботинки с острыми носами. Вот только все бесцветное и серое.

Олигарх скосил глаза на Василису и подошел к ней близко, так, что между их лицами оставалось сантиметров десять. Помолчав, Владислав Петрович грустно сказал:

– Больше всего жалею, что мало уделял тебе внимания. Красавица, умница! Моя гордость, моя девочка... береги ее, Вася, пожалуйста.

– А как вы ее узнали? – ошеломленно спросил я. – У нее же лицо совсем другое!

– Ну как я могу не узнать свою дочь? – усмехнулся призрак. – Это же моя кровь. С каким бы лицом она ни была. Прячешь ее от врагов? Правильно, береги. Для чего

вызвал? Хочешь узнать, кто меня убил?

- Да. Кто убил вас и вашу супругу вот в этом самом месте.

- А не было в этом месте моей супруги - спокойно сказал призрак, и я почувствовал, как у меня перехватило дыхание.

- Как это не было? А кто тогда ехал с вами в автомобиле и чье тело, тело женщины нашли полицейские?

- Это моя любовница, Света, студентка института международных отношений. У меня с ней была давняя связь, и я собирался поставить перед супругой вопрос о том, что нам пора расстаться. Я уже устал смотреть на супружеские истерики, терпеть ее склочность и злобу.

- А что же вы мне говорили, что ее любите и так далее? Какого черта тень на плетень наводили? И кстати, как это не супруга, если на ней были украшения, принадлежавшие вашей жене?

- А я что, должен кричать на весь мир, что развожусь с супругой? Что у меня молодая любовница, чуть старше Василисы? Нет уж - мои дела, это - мои дела. Ну а по поводу украшений - чего глупые вопросы задаешь? Ясно же, что я подарил ей кое-какие украшения, после чего был дикий скандал с супружницей.

- Так кто же тогда вас убил? Вы что думаете по этому поводу?

- Кто убил? А это уже ты сам догадайся. Я не знаю. Одно скажу, если ты сумеешь найти мою супругу, ты узнаешь много интересного по этому поводу. Уверен.

- Кто имел возможность доступа к счетам вашей корпорации и что за деньги там крутились?

- Государственные, конечно, какие же еще. Прокручивались в сделках, уходили на депозиты, с них снимались проценты и потом отправлялись на определенные счета. Коды для управления счетами находились у меня в сейфе, на носителях. О его расположении знала только моя жена. Суммы через нас проходили громадные, так что пару-тройку процентов с общего потока денег составляли

громадные деньги. Часть оседало, конечно, у меня, но основная сумма этого наvara шла в Москву. Кому – я не знаю. Могу только догадываться.

– Как можно снять деньги с ваших счетов и сделать так, чтобы никто не узнал, куда они делись?

– Хммм... трудоемко, но можно. Десятки мелких фирм перечисляют еще на десятки мелких фирм, те обналичивают деньги, снова кладут на десятки фирм и так далее. И деньги теряются. Особенно если фирмы зарубежные, не все зарубежные банки дают информацию по запросам – кому надо светить своих клиентов. Особенно этим грешат мелкие страны Карибского бассейна. Да и в Европе кое-кто не брезгует работать по отмыванию денег. Все замыкалось на мне. Я был офицером ФСБ под прикрытием и заведовал «добычей» денег для... в общем, я сказал для чего. Куда они потом тратились – мне неинтересно.

– Как думаете, жена сама придумала эту схему? И решила вас убить?

– Сомневаюсь. У нее ума на это не хватит. Скорее всего, кто-то за ней стоит. Спросишь – кто? Не знаю. Я не всеведущ. И вообще – мое время на Земле истекло. Чувствую, что мне пора. Похоже, что я тут болтался именно для того, чтобы сообщить тебе информацию, и... попрощаться с дочерью.

Призрак подошел к Василисе, нервно наблюдавшей за моими действиями, посмотрел ей в лицо и попытался потрогать ее щеку. Рука духа прошла через голову Василисы, и внезапно та вздрогнула, схватившись за щеку.

Бросив взгляд на меня, Василиса недоуменно сказала:

– Как холодом обдало! Это твои штучки?

– Это твой отец, – печально сказал я, – он с тобой прощается и просит вспоминать только хорошо. Он стоит перед тобой.

– Папка! Папка... – Василиса заплакала, глядя в пустоту, а призрак грустно стоял перед ней, вглядываясь в лицо дочери. Потом он как будто подернулся туманом, заколыхался и стал медленно таять, пока не исчез совсем. Василиса пыталась что-то говорить, что-то о том, как она его любила, но я ее остановил:

– Он ушел. Все. Теперь он совсем ушел. Иди ко мне...

Я прижал жену к себе, положив голову на плечо, она минуты три плакала, заливая ткань рубахи слезами, потом успокоилась, вытирая покрасневшие глаза. Мы молча пошли к минивэну и уселись в него под внимательным и вопросительным взглядом Константина.

– Куда сейчас едем? – спросил он.

– К дому Гриньковых, – ответил я и закрыл глаза, представляя себе облик матери Василисы, вспоминая ее черты. Несколько минут ничего не мог ощутить, но после того, как сосредоточился, как накрепко какие-то внутренние механизмы, или органы, почувствовал, как линия, соединяющая меня и госпожу Гринькову, протянулась через пространство. Она была тоненькой, почти пунктирной, но уверенной, ясной, и тянулась куда-то далеко-далеко, будто огибая земной шар. Может, и огибая, скорее всего, Гринькова спряталась в дальние края, в очень дальние края. И немудрено – после того, как тиснешь у государства больше сотни миллиардов долларов, – надо бежать очень, очень далеко. А лучше на дно моря. Или в другую галактику. А еще лучше – в другой мир. И то нет гарантии, что и там не достанут.

Взяв в свои ладони руку Василисы, я попытался найти ее мать на карте мира, представив в голове что-то вроде атласа. Безуспешно. Не получилось. Тогда оставалось еще средство...

– Константин! Мне нужна магия.

– Сколько? – не удивился провожатый-охранник-тюремщик.

– Хмм... литр.

Константин достал маг-зеркало, сказал несколько слов и обернулся ко мне:

– Через час доставят. Еще что-то?

– Нет.

Я отвернулся к окну и стал смотреть на город, еще не украшенный весенней зеленью в полную силу, но уже зеленеющий и зацветающий как большая клумба. «Все-таки весна самое лучшее время года», – подумал я и снова сжал руку своей Василисы. Она улыбнулась, посмотрев на меня, и кивнула на Сергея, похрапывающего в кресле:

– Спит, как сурок. По фигу все. Даже завидую – настолько ему все по фигу.

– И ничего не по фигу, – не открывая глаз, ответил Сергей, – я все слышу, все вижу. И делаю свои выводы. Например, Вася почему-то не рассказал того, что знает. И это что-то потрясло его до глубины души. Что-то, что он услышал от духа твоего отца. Правда, Вася? Колись, это ты им можешь втирать, а я-то все вижу. Делись информацией, мы ведь в одной лодке. Кого ты там задумал искать с помощью малии?

– А ты как думаешь? – усмехнулся я. – Ты же опер, сыщик, так сказать, сделай свои выводы. Покажи, на что способен.

– Хорошо, слушай. Ты разговаривал с духом отца Василисы. Но ни разу не упомянул, что разговаривал с ее матерью. Я задумался – почему? Неужели бы ты отказал себе в возможности поговорить с ее матерью? А если поговорил, почему не сказал об этом Василисе? Значит, ты с ее матерью не разговаривал. По какой причине? А вот по какой – не мог. Ее не было в машине, когда отца Василисы убили, так?

– Как это? – удивилась Василиса. – Как это не было в машине? Вась, это правда?

– Правда, – неохотно пояснил я, – она жива.

– Вот так, – удовлетворенно хмыкнул Сергей, – в машине была какая-то другая женщина, которую приняли за мать Василисы. И успокоились. Трупы были сожжены до неузнаваемости – гранатометами и фаерболами, так что никто ничего не смог определить. А мать Василисы залегла на дно, потому ее и считали мертвой. По какой причине? Видимо, совесть нечиста. Скорее всего, имеет отношение к тому делу, из-за которого нас и захватили, а теперь используют в качестве служебных ищеек. Вась, найди изъян в рассуждениях, если сможешь.

– Не могу. Все верно. Теперь мы едем в ваш дом, чтобы найти следы пребывания твоей матери. – Я искоса поглядел на ошеломленную Василису, хватающую воздух широко открытым ртом. Она попыталась что-то сказать, но замолчала, а потом тихо спросила:

– А отца... это мама?

– Скорее всего да, – легонько кивнул я, – оказывается, они последние годы были на ножах. Ты разве не замечала этого? Не догадывалась, что у отца была любовница, с которой он хотел строить свою жизнь отдельно от твоей матери?

– Ну... ссорились они, бывало. Но больше я ничего не знаю, – подавленно сказала Василиса, – но чтобы она организовала такую аферу, да еще убила отца – поверить не могу.

– Ну, это только предположение. Но все сходится к тому, что так оно и есть, – пожал я плечами и закрыл глаза, как бы показывая, что разговор закончен. Мне хотелось подумать.

А думать было о чем. Например, не попали ли мы из огня да в полымя? Бегали-бегали от преследователей и где оказались? Ну да, я могу хоть сейчас переместиться в другой мир, захватив с собой Василису и Сергея. И что? Мы окажемся там голые, без средств к существованию, в непривычной среде обитания – как мы будем жить? Привыкнув к этому миру, привыкнув к его комфорту. Но что-то не верилось мне в порядочность таких вот структур, находящихся над законом. Сейчас они с нами, дают нам все, что мы пожелаем. А когда мы найдем деньги, поможем их вернуть – как они с нами поступят? С носителями опасной информации... А кроме того – я могущественный маг, без преувеличения могущественный, и могу менять свой облик по своему желанию. И менять облик кого угодно. И если представить, что кто-то захочет поставить на место президента того, кого им нужно...

Мне не захотелось развивать тему вовлечения нас в политические дразги. Только подумалось о том, что надо держать поближе к себе Василису. Не дай бог, кто-то решит, что выгоднее держать меня на коротком поводке или что можно будет как-то воздействовать на меня – если ее забрать. Честно говоря, в этом случае я бы разнес полгорода. Оставил бы только ту часть, где живут мои родители. Кстати, родители – тоже опасно. А вдруг решат, что можно

воздействовать на меня, похитив родителей? И вообще – как спецслужбы узнали про нас? С какого момента они нас слушают? Что знают о нас? Скорее всего, они этого не скажут... но все-таки – попытка не пытка? Не укусят же за вопрос?

– Константин! Скажите, а как вы вообще узнали о нас? С какого момента нас слушаете?

Мужчина посмотрел на меня, и на его лице появилась тень улыбки:

– А почему вы решили, что я отвечу на эти вопросы? Впрочем, я могу рассказать. Например, о том, что мы шли за вами по пятам, еще когда вы спрятались в гостинице, начиная от ночного клуба. Вот тогда вы нас и заинтересовали, после той бойни. Но мы немного запаздывали – в гостиницу попали, когда вы уже разобрались с киллером. Ну а вышли на ваш след, узнали, что вы в Сочи – после того, как машина, которая ждала вас на трассе, исчерпала оплату простоя и вернулась в город. Мы опросили все машины такси, что были в городе, и узнали, куда она вас возила. Вы же в курсе, что все пассажиры в такси фиксируются видеорегистраторами? Нет? Не в курсе? Так вот знайте. Мы вернули машину на то место, где она вас ждала, обследовали окрестности и узнали, что было уничтожено поселение мутантов. Оставшиеся в живых вас описали. Оставалось получать информацию из Сочи и ждать, когда вы там проявитесь. Вы проявились на гибели нумизмата. А потом снова вынырнули, похитив оперативника. Пока оперативник летал с вами, за его домом было установлено наблюдение, а квартира оборудована аппаратурой записи. Вас вели, постоянно вели и слушали.

– Не зря я вам тогда говорил, что за мной следили, – проворчал Сергей, – было у меня ощущение, что я под колпаком. Не хотел вас пугать. А зря!

– Мы записывали все ваши разговоры и знаем очень многое. Может быть, и не все, но... достаточно, чтобы знать то, что нужно. В определенный момент мы просто перехватили вас, и все. Теперь понятно? Как видите, мы играем в открытую, того же ждем и от вас. Сделаете свое дело – и идите куда хотите.

– Как бы не так, – шепнул Сергей, – хрен они нас так просто отпустят!

– Тссс... – сказал я, – везде уши.

– Константин, а каковы гарантии, что нас отпустят? Я вообще не понимаю – почему именно я? Неужели такая могущественная организация, как ваша, не может обойтись без какого-то там мага? Неопытного оперативника-мага? Если у вас самые квалифицированные кадры в стране? И что вам помешает просто уничтожить нас после окончания операции?

– Начнем с главного. Вы будете смеяться, но ТАКОГО уровня мага у нас нет. И скорее всего – вообще нигде нет. И нам выгоднее договориться с вами, чем вас убивать. Ведь кроме того, что вы будете использованы как маг-поисковик, мы можем с вами договориться о сотрудничестве в качестве консультанта или того же поисковика. Для вас практически нет невозможного, вы можете найти любого человека. А мы готовы за это хорошо платить. И еще – вы кладёте знаний чужого мира, ходячая библиотека заклинаний, разве мы можем позволить, чтобы вы погибли? С вас будут сдувать пылинки, о вас будут заботиться – главное, чтобы вы были лояльны государству и нашей организации. В противном случае... в общем – понятно. Мы знаем, что вы в любой момент можете ускользнуть от нас в другой мир, прихватив с собой свою подругу и своего подчиненного. Но мы предлагаем вам хорошенько подумать, прежде чем это сделать. Жизнь в другом мире, неопределенная, непривычная, против жизни здесь – комфортабельной, обеспеченной, прекрасной во всех отношениях. У вас на самом деле нет другого выбора, кроме как принять наше предложение и работать не за страх, а за совесть.

– Выбор всегда есть, – усмехнулся я, – и если вы считаете, что взяли нас за горло – ошибаетесь.

– Мы знаем, что вы способны убить нас прямо здесь, – пожал плечами Константин, – но и вы знаете, что после этого вас постараются уничтожить. Больше с вами никто вести переговоров не будет – с неадекватными существами не договариваются. Их уничтожают. И сколько бы людей вы ни убили, в конце концов вас уберут. Вы же совсем не глупый человек и понимаете это, не правда ли?

Я не стал отвечать. А что отвечать, когда все и так ясно и разложено по полочкам. Что есть, то есть.

К поместью Гриньковых мы подъехали довольно быстро – минут через сорок. Оно было тихим и мрачным – по всем признакам в доме никто не жил. У КПП нас встретил незнакомый охранник, похоже, что из числа людей Организации. Он

открыл шлагбаум, и мы покатали по щебенистой дорожке к дому.

Я взглянул на Василису и увидел, как она сжала кулачки так, что пальцы впились в ладони.

- Не могу ничего с собой поделатъ - мне кажется - там сейчас ходят родители, брат сидит у себя в комнате и слушает музыку... не могу поверить, что все так случилось.

- А всегда плохое случается неожиданно. И никто не может в это поверить, - философски заметил Сергей, - если бы мы знали, что случится...

Его слова оправдались буквально через пять минут, когда мы вышли из машины и шли к входу в дом.

Не успели мы сделать и десятка шагов, как со всех сторон, будто стая стервятников, появились десятки людей - они летели по воздуху, совершенно бесшумно, и складывалось впечатление, будто они ожидали нашего приезда и готовились к нему. Нападавшие открыли ураганный огонь на поражение из коротких автоматов («Ель-300», 9 мм, семьдесят патронов в магазине) и буквально смели нашу охрану - у Константина очередь снесло полголовы, как будто отсекло гигантским топором. Остальных изрешетили, как дуршлаг - только клочья полетели. Охрана пыталась отстреливаться, засела за бронированные автомобили, но их оттуда выкурили выстрелами из гранатометов и фаерболами, залетающими прямо под днище авто, туда, где прятались охранники. На моих глазах два человека, охваченные пламенем, сжигающим их заживо, побежали куда-то в сад, видимо, от боли у них перемкнуло в мозгу, и они решили найти спасение в гуще еловых насаждений.

Ни одна пуля не попала в меня или в моих спутников - в нас полетели липкие сети, знакомые мне по Сочи. Нападавшие выстрелили их из «гранатометов» с набалдашниками, и летающие «косынки» тут же впились в наши тела, опутав туго, как мумию бинтами. Я не мог пошевелиться, не мог даже выговорить заклинание - чертова сеть залепила мне рот, и я чувствовал, как в мою кровь входит парализующий состав из сети там, где она коснулась моей кожи. Все произошло за секунды, буквально за пару секунд - пока мы ошеломленно думали, что нам делать, а я командовал всем идти на взлет - нас уже сбили, привязали к машине, и как мы ни пытались подняться в воздух - не смогли.

Одежда трещала, рвалась, но поднять нас вместе с автомобилем не могла.

Угасающим сознанием я осознал ужас положения и едва не зарыдал от разочарования – все так хорошо шло! Ну какого черта все закончилось так хреново?! Несправедливо! Последней мыслью было ругательство в адрес Сергея – накаркал!

В голове гудело, изображение двоилось, но все-таки я сфокусировал взгляд и посмотрел на тех людей, что сидели передо мной. А их было человек пять – такие же безликие, «усредненные» люди, как те, с которыми я общался в последнее время – люди Организации. Они внимательно разглядывали меня, как будто я был чем-то странным и экзотическим, вроде гигантского питона или крокодила. Мол, «Видите у него вздутие на брюхе? Эта змея недавно хорошенько попиталась, сожрав служительницу вместе со шваброй. А не вытошнит ли его половой тряпкой? Нет, он все переваривает. Сегодня его не кормить!»

Рассмотрев этих людей, я перевел взгляд в глубь комнаты – мое внимание привлек стол, на котором стояло множество, огромное количество баночек, скляночек, пузырьков и кувшинчиков, в которых я без труда узнал магические причиндалы, необходимые для совершения обрядов. Потом почувствовал боль в руке, там, где находился локтевой сгиб.

Первое, что пришло в голову, у меня брали кровь. Скопив глаза (голова была крепко пристегнута к высокой спинке кресла), я увидел на локтевом сгибе повязку с красным пятнышком и понял – мои подозрения оправдались. И еще хуже – у стола суетился человек, в руках которого находилась прозрачная колба с темно-красной жидкостью, густой и оставляющей на стекле розовый след. И это была не краска, и даже не вишневый сироп, а скорее всего – кровь самого могущественного мага на Земле. Болвана, который не сумел уйти из ловушки.

Я попытался что-то сказать, но обнаружил, что рот заткнут кляпом. Я не мог сказать слова заклинания, не мог сделать нужные пассы, а если бы начал превращаться в грифона – стал бы грифоном, приделанным к креслу. Все, что я мог сделать – это уйти в параллельное пространство, но тогда Василиса и Сергей останутся здесь, неизвестно в чьих руках, и что с ними будет – тоже неизвестно. Не лучше ли вначале узнать, кто это такие и чего им нужно?

Сбежать я всегда успею.

– Он очнулся, – с удовлетворением сказал один из пятерых людей, обернувшись к столу с магическими ингредиентами, и я увидел, как откуда-то сбоку вышел человек лет сорока, с аскетичным худым лицом и пронзительными черными глазами.

– У него регенерация, как у ящерицы, а может, и покруче, – спокойно заметил «аскет», – на нем царапины заживают за несколько секунд. Чтобы отлить у него крови, пришлось распахать полруки, и то еле-еле нацедил.

– Вы уверены, что заклинание подействовало? – спросил тот же человек. – Когда он очнулся, то смотрел на меня. Это значит, что он теперь подчинен мне?

– Я ни в чем не уверен, но сделал все, что мог, – недовольно буркнул «аскет», – в магии никто не может дать стопроцентного результата. Может, подействовало, а может, нет.

– Интересное дело! А как мы узнаем, что заклинание сработало?! Как мы можем в этом убедиться?

– А вот как попробует вас шарахнуть фаерболом – значит, не подействовало. А если не шарахнет – значит, он ваш.

– Всегда говорил, что у этих магов что-то с головой, – буркнул один из «усредненных», – давайте оставим его здесь, и пусть этот тип потренируется на нашем маге. Вот тогда он не будет работать спустя рукава, тогда и будет давать нужный результат!

– А это не мое дело! – яростно вскричал «аскет», похоже – сильный маг. – Вы потребовали, чтобы я провел обряд подчинения. Я провел. Вложил в него все мои магические силы. А если не получится – я-то при чем? Возможно, что у него уровень магии больше, чем у меня. И тогда плевать он хотел на наши заклинания и пританцовывания с бубном. Понятно? Или вам еще на пальцах разъяснить? (Маг буркнул под нос что-то вроде «солдафоны хреновы», но, возможно, я ошибался. Впрочем, давно уже заметил, что мой слух стал гораздо тоньше, чем раньше и чем вообще у людей. С чем связано? С моим «грифонством», скорее всего.)

– Развяжите ему рот, – приказал первый мужчина, и один из сидящих встал, ослабил ремень и вынул у меня изо рта пластиковую затычку – что-то вроде мягкого и прочного грибка.

Я прокашлялся и спросил:

– Кто вы? Зачем нас похитили? Зачем напали? Что от нас хотите?

– От вас? От вас всех – ничего. От тебя лично – много чего. Спрашивать, чувствуешь ли ты любовь и благодарность ко мне – не буду. Все равно совершь. А вот то, что ты должен делать – мы тебе скажем. И ты будешь делать все, что мы скажем. Иначе...

– Иначе что?

– Ну, во первых, будут страдать твои спутники – Василиса и Сергей. Вот они, смотри, – говорящий достал ноутбук, щелкнул кнопкой и раскрыл виртуальную клавиатуру, нажал пару кнопок, видимо, соединяясь с диспетчерским пунктом, и приказал: – Покажите задержанную.

Экран высветил Василису, которая лежала на кушетке в одних трусиках. К ее руке были присоединены трубки, и она находилась в бессознательном состоянии – то ли спала, то ли была в коме. Потом показали Сергея – он тоже лежал в подобной комнате, по виду напоминающей палату психиатрической лечебницы.

Мужчина дал мне «насладиться» видом и спокойно сказал:

– В случае отказа сотрудничать, по одному нажатию кнопки в кровь твоих людей могут быть поданы ядовитые и смертельно опасные вещества. От радиоактивных, от которых они будут умирать неделями и гарантированно умрут, до обычного крысиного яда. Тоже гарантированная смерть. Найти их будет трудно – даже тебе, магу-поисковику. Они заблокированы специальными магическими средствами. Но даже если найдешь – к ним надо еще проникнуть. А как ты убедился – мы умеем работать с магами. И заклинания не помогут. Тем более...

Он не успел сказать, что «тем более». Я выкрикнул сонное заклинание. Даже без поддержки пассами рук оно гарантированно должно было свалить всех в радиусе десяти метров. Однако ничего не произошло. Все сидели как сидели, а маг довольно усмехнулся:

– Я вам говорил! Его не возьмешь в одиночку, это вам не сторож с автостоянки! Не подействовало заклинание. Впрочем, отрицательный результат тоже результат – теперь мы знаем, что его заклинание тоже не пробивает защиту амулетов. Так что можно спокойно стоять рядом с ним, не боясь, что он вас заколдует. Только чтобы фаерболом не шарахнул или еще каким-нибудь физическим телом. Например, телом тупого охранника...

– А можно как-то усилить действие заклинания? – спросил старший группы, еще более внимательно всматриваясь в мое лицо.

– Можно попробовать образовать Круг из семерых магов. Они будут передавать мне силу, а я снова буду его заклинать. Его кровь у меня есть, так что попробовать можно. Но опасно.

– Что опасно-то? – не понял старший.

– Все опасно. Например, он может умереть. Или превратиться в овощ. Или убить меня, если как-то сумеет отбить удар. Последствия непредсказуемы, как...

– Да, да, как и всегда с магией! – досадливо перебил старший. – Вы надоели уже своими поучениями!

– Уж как вы мне надоели своими претензиями! Вы вечно всем недовольны – комплекс прямо-таки какой-то.

– Придержите язык! И займитесь делом! Когда можете создать Круг? Мне нужно полное подчинение этого человека. И вы должны добиться этого.

– А если он и вправду спятит? Вы понимаете, что такая нагрузка на организм не проходит даром? Что он может полностью потерять память? Потерять свою личность? Вам это зачем?

– Затем, что или мы его подчиним, или он нам вообще не нужен. Он опасен. Для всех нас. Опасен для государства. Опасен для... В общем, не ваше дело. Собирайте Круг и делайте то, что должны.

– Зачем вам мое полное подчинение? – спросил я, справедливо опасаясь, что создание Круга может закончиться дурно. Кстати, слыхивал я про такие дела. И даже видел однажды, когда некроманты собрались вызвать демонов, но вызвали дух грифона, вселившегося потом в меня.

– Ты опасен. Ты умеешь менять облик людей так, что невозможно отличить от оригинала. А потому – только полное подчинение.

– А для чего тогда вы держите мою девушку и моего товарища под арестом? Зачем показывали мне их? Это же глупо.

– Все меняется. Я передумал. Похоже, что ты слишком, слишком опасен, чтобы держать тебя без полного контроля. В конце концов, твой хитроумный мозг мага надумает, как вырваться и освободить своих друзей. Мы лишимся многих сотрудников, а также заложников – нам это надо? Ты будешь гулять на свободе с полученными у нас сведениями, представляющими огромную опасность для государства. Нам это точно не нужно.

– Нам, нам – вы все время повторяете «нам». КТО вы?

– Те, кто стоит на страже государственных интересов.

– А кто тогда были те, кто привез нас сюда? В поместье Гриньковых?

– Предатели интересов государства.

– Хрень какая-то, – пробормотал я и вдруг почувствовал, как к моей шее, к сонной артерии, приставили холодный предмет – пшик! И я стал отключаться. Последнее, что услышал:

– А хватит заряда? Вдруг он проснется во время обряда?

– Тогда последствия непредсказуемы. Но вы же взяли ответственность на себя! Вы же великий...

Дальнейшего я не слышал, провалившись в тягучую темноту, закрывшую мне глаза.

Колыхание над моим лицом, что-то белое, что-то розовое, что-то круглое... А что такое розовое? Не знаю... розовое, и все. В рот потекло. Сладко. Почему сладко? Что такое сладко? Что такое потекло? Знакомые слова, но я не знаю, что это такое. Потом вспомнил.

Попытался пошевелиться – не могу. Меня что-то держит. Голос сверху:

– Проснулся? Сегодня опять будешь под себя делать? Как же ты задолбал, скотина ты безрогая! Год уже тут валяешься, и толку? Какого хрена тут тебя держат! Ты наказание мое, урод ты тощий, Кощей Бессмертный! И не сдыхаешь ведь!

Я скосил глаза в сторону и увидел справа от себя девуку – крепкую, дебелую, рыхловатую, лет двадцати. Она уносила от меня поднос с наставленными на нем чашками. Еда? Есть... хочу есть. Мне ужасно хотелось есть! Я стал вспоминать – что такое есть? Почему-то вспомнилась реклама из телевизора – там девочка ела здоровенный бутерброд и причмокивала.

В животе забурчало, и я снова попытался поднять голову, посмотреть – где я? Это мне удалось с большим, очень большим трудом. Но удалось.

Я был привязан к кровати широкими ремнями с застежками. Руки лежали вдоль тела, ноги тоже пристегнуты, свободна одна голова. На мне широкая рубаха с рукавами, бывшая когда-то белой, а сейчас в подозрительных желтых разводах, и пахнущая так дурно, что меня с души воротило – вонища, как от какого-то бомжа, дошедшего до самого дна.

Комната, в которой я находился, не блистала чистотой – бежево-коричневатая краска на стенах, окно, тускло бросающее свет на мою жалкую фигуру и забранное толстой решеткой. Тумбочка рядом со мной – белая, местами облупившаяся и с инвентарным номером сбоку. Я смотрел как раз на него – кривые циферки 333. Они мне ужасно не нравились. Почему? Не знаю. Какие-то

зубастые... зzzzzz... как будто зудят пчелы. Неприятно. Почему меня привязали? Ведь я... а кто я? «Я» – это кто? И где?

Пошевелил сухим языком во рту – ощущение было гадким, неприятным, как будто кто-то сунул мне в рот тряпку. Напрягся и тихо, хрипло, крикнул:

– Эй! Есть кто?! Эй!

Вернее, не крикнул, а прошептал, связки не работали. Тогда я еще напрягся и уже громче покричал:

– Эй! Кто-нибудь! Да эй же!

Дверь неожиданно открылась, и в нее вошла женщина лет пятидесяти – маленькая, кругленькая, как колобок. Она неодобрительно посмотрела на меня и, покачав головой, сказала:

– Вот Танька сучка! Ни убрать как следует за парнем, ни покормить! Молодняк совсем стал бездельный, бессовестный! Ну скажи на милость, как она после будет работать врачом? Ей только бы стаж для поступления набрать, бестолочи!

– Эй, кто тут? – хрипло прошептал я, и женщина вздрогнула:

– Ух ты! Неужто очнулся? Мы уж думали, ты так и не войдешь в разум! Парень, тебя как звать-то? Ты кто?

– Не знаю. А где я?

– В психушке, где же еще. Тебя подобрали на улице год назад, вначале думали, пьяный, привезли в милицию. Документов у тебя никаких, вызвали врачей, – говорят, он не в коме, но ничего не понимает. Психический. Ну и доставили к нам. Так ты тут и лежишь уже год. Думали, помрешь. Сам есть не мог, в тебя все вливали. Под себя ходил – к тебе приставляли всяких там практикантов, в наказание. Кому охота вонь за тобой убирать? В общем – непонятно, как ты выжил, но вишь чего – ожил. Сейчас я дежурному врачу скажу.

Женщина исчезла за дверь, а я бессильно закрыл глаза и как будто поплыл – усилие было таким запредельным для меня, что я устал, будто весь день поднимал штангу, без обеда и отдыха.

Снова очнулся от голоса мужчины. Он сидел рядом со мной и держал меня за руку, освобожденную от привязи:

– Так-так, что же это у нас такое? Ну-ка, ну-ка, дай я тебя посмотрю...

Мужчина поднимал мне веки, заглядывая в глаза, щупал руку – она была страшно тонкой, худой, как плеть. Проводил иголкой по коже живота, по ногам, стучал молоточком. Я терпимо сносил эти издевательства, потом не выдержал и спросил:

– Доктор, а нельзя чего-то поесть? Очень уж хочется. И помыться, переодеться. А еще – где я нахожусь?

– В психиатрической лечебнице, конечно. А ты думал – где? В санатории? – доктор засмеялся, и стали видны его желтоватые зубы, украшенные золотыми коронками. Я нахмурился – никогда не видел на зубах золотых коронок. Только читал об этом.

– Доктор, почему у вас золотые зубы? – неожиданно для себя спросил я. – А почему металлокерамику не вставили?

– Что такое металлокерамика? – оторопело ответил врач и, прищурившись, усмехнулся: – Мда, расстройство психики налицо. Молодой человек, какой сейчас год?

– Не знаю. А какой сейчас год?

– Тысяча девятьсот семьдесят шестой, – улыбнулся доктор, – а в какой стране ты сейчас находишься?

– В России, конечно – вы же по-русски разговариваете, значит, в России.

– Уже прогресс. Только не в России, а в Советском Союзе. И не страна Россия, а Российская Республика. Налицо потеря ориентации. Шизофрения, однако. Тебя никто не бил? Не падал? Ударов по голове не было? Наследственных болезней?

– Доктор, откуда я могу знать про наследственные болезни, когда не знаю – кто я такой?

– Ну да, ну да... верно. А что помнишь о себе?

– Ничего не помню. Ничего. Все, что помню – лежу вот тут, вонючий, грязный и голодный.

– Ну да, ну да, – слегка смутился доктор, – нянечек не хватает, вот и приходится использовать практиканток и случайных работников. Недобросовестные, понимаешь ли. Сейчас тебя обмоют, переоденут, и я назначу усиленное питание. Интересно, как ты вообще выжил? И почему у тебя нет пролежней – после года неподвижного лежания на кровати? Не пояснишь? Ну да, не пояснишь, – вздохнул мужчина, – надо будет перевести тебя в общую палату – у нас есть палата для тех, кто обследуется от военкомата. И тех, кого списали из армии с различными психическими заболеваниями. Поместим тебя туда, может, в общении что-то вспомнишь. Но недельку побудешь тут – сил поднаберешься, чтобы сам ходил.

Мне понадобилось два дня, чтобы подняться на ноги. Я ел, как животное, буквально запихивал в себя хлеб, подбирая его до последней корочки, под жалобные крики нянечки тети Маши:

– Да что же ты делаешь, аспид! Сдохнешь ведь! Тебя же одним бульоном кормили, желудок ссохся!

Но я не сдыхал. Первое время желудок болел, но принимал в себя пищу, и я набивал его все больше и больше. Нянечка тайком приносила мне оставшийся от обеда хлеб, оставшуюся кашу, и я пихал в себя, трясясь от жадности. Сразу пополнеть, конечно, я не пополнел, но силы хотя бы частично ко мне вернулись, и я мог ходить, не цепляясь за стены.

На третий день доктор снова меня осмотрел, показав целой толпе практикантов и штатных врачей клиники:

– Вот, перед вами пример того, насколько живуч и непредсказуем организм человека. Год назад этот пациент лежал как овощ и делал под себя. А теперь, глядите – скачет бодрячком!

Скакать, конечно, я не мог, стоя под внимательными взглядами парней и девиц в голом виде. Со стороны я, скорее всего, напоминал узника Бухенвальда – обтянутый кожей скелет, запавшие глаза. Все, что осталось неизменным в размерах, это... в общем, глаза девиц с интересом всматривались в очертания частей моего тела, и охальницы хихикали за спинами подруг. На что врач нахмурился и сказал, что поставит им за производственную практику по тройке, вот тогда и похихикают.

В общей палате я появился после обеда, на третий день своего выхода из состояния овоща. Шестьдесят с лишним человек в огромной комнате, уставленной кроватями. Палата приняла меня не то что с прохладцей – часть ее обитателей проигнорировала, а часть восприняла нового жильца как досадную помеху в своей и так загубленной жизни:

– Эй ты, козел! Спать будешь вон там, у сортира!

– Это с чего так? – спросил я непонимающе и направился к свободной кровати, подальше от сортира, в проеме которого виднелись чьи-то ноги. Почему виднелись? А вся нижняя часть двери сортира была вырезана. Я недоумевал – почему так сделано, и только потом узнал, чтобы обитатели камеры не занимались за этой дверью чем-то предосудительным. Все помещения обязательно должны просматриваться насквозь.

Высокий кавказец направился ко мне, и, не говоря ни слова, сильно ударил меня в лицо, рассекая губу до кости. Я не упал, лишь покачнулся и выронил матрас, который принес с собой. Потом бросился на кавказца, обхватил его руками и стал рвать зубами за шею. Меня пытались оторвать от жертвы, кавказец бил меня головой в лицо, превратив его в кровавое месиво, но я не отпускал и рвал его мясо обломками выбитых зубов так, что тот завыл, как волк, а из его шеи брызнула кровь. Она фонтанировала так, будто кто-то пробурил глубинную нефтяную скважину.

Если бы не врачи, остановившие кровь, этот придурок бы умер. Туда ему и дорога. Никогда не любил наглецов. Откуда только у меня взялось столько сил,

чтобы буквально загрызть этого типа...

Мне досталось и от санитаров – они оглушили меня своими текстолитовыми дубинками, а потом забросили на кровать, привязав ремнями. Помощи никто не оказал, и я хлюпал разбитым носом, пока кровотечение не остановилось. Правда, остановилось оно быстро, буквально за секунды. А еще через час на мне не осталось никаких следов побоища, кроме засохшей крови. Зубы выросли через неделю, вытолкнув старые так, как будто это были молочные зубы.

Кавказцу досталось хуже – потом я узнал, что повредил ему сухожилие, и этот парень так и остался кривым на всю жизнь. Впрочем, о нем так никто и не пожалел. Да и кому жалеть? Нравы в палате царили практически тюремные. Дрались за матрасы, за то, кому сегодня мыть полы – мыли якобы по очереди, но те, кто был на низшей ступени социальной лестницы. Меня не трогали – после того, как я загрыз дагестанца, – боялись, тем более что я во всеуслышание пообещал, что если кто-то меня тронет, я ночью порву ему глотку. Так как однажды это было сделано, все поверили.

Впрочем, через некоторое время все устаканилось, со мной начали общаться, и я перезнакомился со многими из тех, кто находился в этой палате-камере. Здесь «отстаивались» в основном те, кого направили из военкомата на обследование – например, заявили, что у них постоянно болит голова – и те, кого привезли из воинских частей.

Это были буйные, неуправляемые парни. На службе они совершили какое-то преступление, например – избили до полусмерти или до смерти своего сослуживца. Что делать начальству? Сейчас полетят звездочки, только не с небес, а с погон. За плохую воспитательную работу среди личного состава. И чтобы этого звездопада не было, необходимо признать преступника психическим больным. Тогда с него и взятки гладки.

Эта практика, как я узнал, применялась постоянно. Не знаю, почему меня сунули именно в эту палату – никто за мной не наблюдал, никаких уколов или таблеток не давали – просто лежал, ел, пил, спал. Иногда парни где-то добывали спиртное и приглашали меня выпить. Пару раз я участвовал в пьянке – чисто для того, чтобы не отделяться от коллектива, а не ради удовольствия. Оказалось, что я вообще не пьянею. Никак. На спор выпил бутылку водки, прямо из горлышка. Противно – ужас! И ни в одном глазу. Только потом часто бегал мочиться – видимо, организм выводил яд.

Конечно, врачи о моих способностях не знали. А может, и знали – были же среди моих «товарищей» стукачи, уверен. Но никому не были интересны ни мои способности, ни сам Ванька Сидоров – так меня называли. А как еще назвать человека, не помнящего ни имени, ни фамилии? Иван Петрович Сидоров. Прошу любить и жаловать.

Память ко мне так и не вернулась, а вот здоровье я восстановил через две недели, превратившись в здоровенного парнюгу, скучающего от бесцельности существования и тупости быта. Целыми днями я тренировал свое тело – отжимаясь, приседая, используя вместо отягощения своих соплеменников, радостно хихикающих у меня на горбу.

Наконец, через несколько недель меня повели к главврачу – пункт назначения я узнал у санитаров, сопровождавших меня по коридору.

Пройдя через всю клинику, построенную задолго до революции и соединенную между корпусами закрытыми переходами, я попал в кабинет главного врача, в котором уже сидели несколько докторов, курирующих отделения клиники. Как я понял, это было что-то вроде консилиума – пора было решать, что же со мной делать. А что делать, всем было неясно.

Мне задавали множество вопросов, каверзных и не очень. На что-то я ответил, чего-то не знал, и после получаса расспросов меня оставили в покое, занявшись обсуждением ситуации.

– Он физически и психически здоров. Мы же не можем держать человека тут бесконечно? – сказал один из врачей, наблюдавших за происходящим. – И так персонала не хватает, так мы еще тут устроим приют для лишенных памяти? Кроме отсутствия памяти, он абсолютно, патологически нормален! Никаких болезней, даже прыщей на нем нет! Порезы заживают за минуты!

– А может, и подержим его подольше, исследуем... – нерешительно сказал другой врач, – такие свойства тела дорогого стоят.

– Нам что, больше делать нечего? Я захлебываюсь в потоке идиотов – в последнее время стало модно совать сюда всех, кого не лень! Клиника не резиновая, – буркнул главврач, – готовьте документы на выписку.

– А как готовить? На кого? У него ни паспорта нет, ни прописки. Идти ему некуда. Как он будет жить?

– Я могу поработать пока здесь, – неожиданно для себя предложил я, – пока не разберусь, куда мне идти. И жить тут, в клинике – чулан какой-нибудь найдется? А вы будете иметь возможность исследовать меня. Если захотите.

– Хмм... так-то это неплохо, – задумался главврач, – только вот жить у нас нельзя. Не положено. Случись комиссия – меня первого подвешат за... в общем – это тоже не выход.

– Он может пока что пожить у меня, – услышал я женский голос и увидел женщину лет тридцати пяти, довольно привлекательную, худенькую. Если бы не морщинки у глаз, ее можно было бы принять за студентку, каким-то образом забредшую на это собрание медицинских светил.

– Чего это вы, Мария Васильевна, решили? – удивился главврач. – Впрочем, ваше дело. Если он перегрызет вам глотку, ваши проблемы. Вы слышали, что он дагестанца чуть не порвал на части? Не боитесь?

– Я давно уже ничего не боюсь, – сухо ответила женщина, – вы же в курсе, что я пишу диссертацию о людях, потерявших память. Так это тот самый случай. Если кто-то не в курсе, по всей стране десятки таких случаев, и никто не может понять, что случилось с людьми. Они внезапно осознают себя на незнакомой улице и не знают, кто они и как сюда попали. Похоже на этот случай. А так – парень приличный, я разговаривала с его, так сказать, коллегами. Тихий, спокойный, адекватный. И жалко его – куда он пойдет? Без денег, без документов? Ему надо оформлять паспорт, а где он его оформит? А держать его здесь вечно, это вы верно сказали, не позволит ни закон, ни наша совесть. Что касается работы – захочет, будет тут работать, а не захочет – найдет другую работу. Я ему в этом помогу.

Я услышал, как один из врачей ехидно шепнул соседу, ухмыльнувшемуся в ответ:

– Почему-то старичка или там старушку не предложила взять к себе домой, а вот здорового самца... впрочем, ее можно понять. Она уже два года без мужа, после того как он разбился в катастрофе.

– Не возбраняется, – ответил другой врач, – кстати, Виталий, ты как насчет того, чтобы вечером сходить в гости к двум очень приличным медсестрам? Я с одной договорился, обещал приятеля привести.

– Небось какая-нибудь шершавая доярка? Ты мне вечно подсовываешь каких-то колхозниц.

– Тьфу на тебя! Очень приличные девицы, в самом соку. Пойдешь? А то мне одному с двумя как-то несподручно.

– С двумя? Рассказать тебе, что и как надо делать с двумя?...

Я не стал дослушивать этот бред, тем более что главврач обратился ко мне с вопросом:

– Ну что, Иван Петрович Сидоров, ты согласен пожить у Марии Васильевны и помогать ей в написании диссертации? Служа науке подопытным кроликом?

– А если я скажу нет, что-то изменится? – спросил я, равнодушно пожав плечами. – Мне с чего-то надо начинать. Спасибо, Мария Васильевна, не побоялись, что я вас загрызу. Постараюсь питаться получше, чтобы даже мысли не возникло о питании вашей плотью.

Врачи засмеялись, главврач захохотал, а потом, вытерев слезы с глаз, заметил:

– Ну что же, по крайней мере, чувство юмора у него есть и проблески разума тоже. Забирайте вашего батрака, Мария Васильевна. Молодой человек – теперь она ваш начальник, так что слушаться беспрекословно. Все ясно?

– Ясно, – кивнул я и поглядел на Марию Васильевну, слегка улыбающуюся на общую суматоху. Улыбка делала ее лицо более молодым, и сейчас я не дал бы ей больше двадцати пяти лет.

Меня прогнали за дверь, на скамеечку – уже без сопровождения санитаров. Я уселся на жесткое сиденье, исцарапанное поколениями посетителей, и стал дожидаться, когда кто-то решит мою судьбу.

Времени подумать было более чем достаточно, и я снова покопался в своих мозгах, пытаюсь достать оттуда хотя бы тень былого – кто я и откуда? Но нет – пустота, звонкая и гулкая. Как эхо проскальзывали в голове какие-то образы – то девушка с короткой прической и огненно-рыжими волосами, то почему-то странные существа, похожие и на орлов, и на львов – их вроде как называют грифонами.

Иногда мне снились сны, что я летаю в вышине, а под ногами проплывает земля. Может, в прежней жизни я был летчиком? Но для летчика, наверное, я слишком молод. Сколько же мне лет? Врачи сказали – от восемнадцати до тридцати лет. Ни фига себе разброс! Впрочем – как это было написано, где-то я читал: «У французов: девочка, девушка, молодая женщина, молодая женщина, молодая женщина... бабушка умерла». Возраст определяется по физическому состоянию. А мое состояние соответствовало двадцатилетнему возрасту. Значило ли, что мне сейчас двадцать лет? Нет, не значило. Может, и тридцать. А может, семнадцать.

Просидел я у двери главврача часа полтора – весь изныл от скуки, да и есть захотел. Давно уже вышли из дверей врачи, обсуждающие какие-то свои проблемы – время отпуска и тринадцатую зарплату. (Так и не понял, что это такое? Как так может? Месяцев двенадцать, как может быть тринадцатая зарплата?) Ушла и Мария Васильевна, не обратившая на меня, сидящего у двери, никакого внимания – посмотрела, как на пустое место, даже обидно.

Я даже задремал, опершись спиной о стену, когда меня кто-то тронул за плечо:

– Проснись! Вставай! Ехать надо!

Открыв глаза, я увидел перед собой Марию Васильевну, наклонившуюся ко мне и трясущую меня за плечо. Я тут же вскочил, едва не сбив ее с ног, и женщина поморщилась:

– Тише ты, медведь. Документы оформлены, по ним я взяла тебя «на поруки». Так что, если ты вытворишь какую-нибудь гадость – у меня будут неприятности. Постарайся никого не загрызть и ни на кого не наброситься, ладно? Нам выделили машину, чтобы довезти тебя до моего дома. Ну не в этих же застиранных больничных обносках ехать? А дома подберу тебе одежду, оставшуюся от мужа. Муж у меня погиб два года назад.

– А дети? Дети есть? – вылетело у меня изо рта, и я чуть не прихлопнул его ладонью, глядя, как страшно изменилось лицо женщины. Она буквально почернела, и глаза ее, зеленые, как у кошки, потухли, потускнели, будто подернувшись туманом.

– Был... сын. С мужем погиб. Одна живу. Все, хватит, пошли!

Женщина решительно вышла из дверей, я последовал за ней, в огромный, неизвестный мне мир.

Глава 3

В глаза ударило солнце, будто пытаюсь горячими лучами пролезть ко мне в черепную коробку и осветить все уголки моего ущербного мозга. Что в нем творится? Почему я не такой, как все, и где моя жизнь? Улетела, унеслась на крыльях ветров неизвестно куда. Пустая оболочка, именуемая Ваней Сидоровым, шагает ныне за женщиной, единственной опорой в этом мире. Зачем я ей? На кой черт нужен ей парень, которого нашли на улице? Разум женщин темная штука. Может решила взять меня вместо домашнего кота? А не все ли равно? Мне как-то надо жить, жить в абсолютно незнакомом мире, о котором я не знаю ничего. Впрочем – что-то я ведь знаю. Например, могу безошибочно определить, что передо мной какая-то древняя машина, вернее автомобиль – желтый, с красным крестом на борту. Вероятно, медицинский автомобиль. Что-то вроде «Скорой помощи».

Я сел на заднее сиденье этого чудовища, оно страшно загромыхало, завоняло, забренчало сочленениями и каким-то чудом двинулось вперед. Почему-то я знал, что никогда не ездил в таком уродстве. Знал, и все тут.

Дорога до дома Марии Васильевны заняла около получаса, может, чуть больше. Дом находился на окраине города, в ряду похожих домов за разноцветными деревянными палисадниками. Обычный деревянный дом, построенный много лет назад.

Раньше за ним хорошо ухаживали, так что на наличниках осталась белая краска, курчаво загнутая под солнцем и дождями. Дорожка, выложенная плитами, заросла травой, пробивавшейся по щелям.

Я окинул взглядом участок – чем-то это все мне напоминало дачу – деревянные «удобства» в дальнем конце запущенного огорода, баня, стоящая рядом с домом, летний душ, на крыше которого чернел здоровенный бак, жарящийся под солнечными лучами. Вид участка всколыхнул у меня какие-то воспоминания, но они, к моему разочарованию, тут же заглохли, оставив лишь слово «дедушка». К чему дедушка? Зачем дедушка? Я этого не знал. Покатав на языке слово, вздохнул и пошел в дом.

Веранда, большая кухня. Все прибрано, и только на веревке в углу сиротливо висели простенькие трусики и прозрачные ночнушки. Мария Васильевна проследила за моим взглядом, слегка смутилась и тут же сдернула интимное белье с веревки. Потом посмотрела на меня и позвала за собой:

– Пойдем. Я дам тебе одежду, тебе нужно помыться и переодеться. От тебя за версту несет больницей.

Она подвела меня к шкафу, в котором были сложены стопы брюк, рубашек, трусов и маек, и оставила меня перед ним, выйдя в другую комнату.

Я посмотрел вокруг и заметил на стене фотографию мужчины, очень похожего на меня, только гораздо старше. «Вот почему она решила мне помочь, – подумалось мне, – я ей напомнил мужа».

Пожав плечами, зарылся в кипы одежды и через несколько минут подобрал себе полный комплект. Хозяйка дома подала мне мочалку и мыло, пахнущее земляникой, и я пошел во двор, к летнему душу.

Это было наслаждение. Струи теплой, почти горячей воды стекали по плечам, животу, унося печаль, грусть и мысли о том, что я неполноценный человек, без роду, без племени, из жалости принятый в этом доме. Ну что я, в самом деле, переживаю? Ну не знаю, кто такой, зато я жив, здоров, не урод, все части тела на месте – жизнь продолжается, не правда ли?

– Вот тут будешь жить, – Мария отвела меня в комнату, где стоял раскладной диван, – пока не найдешь себе другое жилье. Сразу скажу, если будут какие-то проблемы, я тебя сразу выгоню. Понимаешь? Это чтобы расставить все по своим местам. Я помогу тебе на первых порах устроиться в этом мире, а взамен ты расскажешь мне все, что ты помнишь, а еще я попробую провести с тобой кое-какие эксперименты. Я владею гипнозом, так что мы с тобой попробуем добраться до глубин твоего подсознания.

– Да со мной же вроде уже пробовали гипнозом – я не гипнотизируюсь, – возразил я.

– Это я с тобой не пробовала. И кроме того, мы с тобой попробуем кое-какие препараты, растормаживающие твой мозг. Если ты не против, конечно.

– А мозг не выжжете? Кстати, как мне вас называть?

– Зови Мария. Для Маши я старовата, а ты молод, чтобы звать меня Машей, и не настолько мы близки, а Мария Васильевна слишком длинно, да и я сразу чувствую себя старухой. И зови на «ты».

– Хмм... как-то неудобно. Кто-нибудь услышит, как я зову вас на ты, подумает еще чего...

– Ты ехидный, да? – улыбнулась Мария. – Никто ничего не подумает. А если и подумает – мне плевать. Некого мне стесняться. Одна я на белом свете.

– А родители?

– А нет родителей. Рано ушли... Братьев и сестер нет. Вот так. Пойдем ужинать. Набери воды в чайник. А я пока картошки почищу. У меня котлеты есть вчерашние. Надеюсь, ты не против вчерашних котлет...

Вот так началась моя жизнь в доме Марии.

Первую ночь я провел беспокойно – опять сны, опять видения. То мелькала рыжая девушка, и как будто я ее знал, но как только тянул к ней руки, она исчезала. Привиделась Мария – обнаженная, верхом на странном существе с

крыльями. Ну тут уже понятно – сколько времени я уже без женщины, и... а что «и»? И сколько времени я без женщины? Год с лишним? А до этого? А до этого не знаю. Ничего не знаю. От ярости, бессилия, хотелось просто сломать чего-нибудь. Может, и вправду схожу с ума? Сразу успокоился, замер, а потом откинул тонкое одеяло и сел на краю дивана. Отдышавшись, встал и пошел на улицу.

Ночной ветерок охладил мое вспотевшее тело, и я потянулся, расправляя мышцы. Потом подошел к турнику, стоявшему у ворот, подпрыгнул, повисел на нем и стал подтягиваться, выгоняя беса из своего ребра физическими нагрузками. Бес все не уходил, изгнать облик Марии на грифоне я не мог. Грифон? Откуда всплыло это название? Грифон... Покатал на языке, сказал вслух несколько раз. Когда-то я частенько выговаривал это слово. Уверен.

Спрыгнув с турника, заметил слева от себя какое-то движение – будто колыхнулась занавеска. Насторожился. Потом усмехнулся – чего испугался? Как будто кто-то на меня собрался охотиться. Кому я нужен? Мария подглядывает – не начал ли я маньячить. Все-таки ведь психбольной. Интересно, она комнату запирает? А чего это я про комнату... ой, ой, как все запущено. Что у нас самое действенное от излишнего возбуждения? Правильно – холодный душ.

Сняв с себя трусы, шагнул в душевую, открыл воду и несколько минут стоял под прохладными струями. Вода еще не до конца остыла – днем она была вообще горячей, как будто ее специально нагрели, теперь же она едва тепленькая. Приятно.

Растершись полотенцем и отбиваясь от внезапно налетевших комаров, пошел в дом, плотно прикрыв за собой дверь. Дома было тихо – никто не подсматривал из-за занавески, никто не ходил по половицам. Прошел к себе и снова улегся на постель, вытянув ноги и закинув руки за голову. Сон не шел, я стал обдумывать, как жить дальше, запутался в размышлениях и... уснул.

Весь следующий день мы с Марией ходили по инстанциям. Она специально взяла отпуск за свой счет – целую неделю. И я понял – зачем неделю, когда попал в паспортный стол, где толпа народа благоухала испарениями не очень чистых тел в сорокаградусной жаре. Мария стала искать какую-то свою знакомую, нашла, вызвала, поговорила, отведя в сторону, и что-то сунула ей в руки – видимо, мзду. Затем мы сходили сфотографировались на паспорт в фотоателье – и нам сказали, что снимки будут готовы только завтра. Вернулись в паспортный

– составили документы и сдали этой знакомой, сказав, что фото донесем завтра. И только потом поехали домой.

Трамвай, колыхаясь и громыхая сочленениями, неся между домами, я смотрел на рельсы, горбатые и кривые, как будто те, кто их клал, были террористами, озабоченными гибелью всех пассажиров этого странного сооружения. Зрелище было настолько отвратительным, что я недоумевал – почему пассажиры не замечают, что передвижение по таким рельсам опасно? Но, оглянувшись по сторонам, понял – все привыкли. Все привыкли к горбатым рельсам, к помойкам возле домов, к сиденьям, из которых какие-то твари выдрали поролон и набросали его на пол. Я не знал этой жизни, но чувствовал, что эта жизнь неправильная, так жить нельзя, так не могут жить люди.

Серые одежды. Серые люди, серая жизнь. Такое ощущение, что от всего пахнет плесенью. Вот только ощущений своих я понять не мог. Может, я раньше жил в каком-нибудь очень большом городе, например – в Москве? Там все бегают, суетятся, бегут куда-нибудь. А тут – застой, стагнация...

Трамвай все-таки довез нас до дома и не вывалил в здоровенную грязную лужу посреди трамвайного кольца. От конечной нам пришлось идти еще с полкилометра.

– Как ты отсюда добираться? – раздраженно спросил я, отчищая ботинок от подозрительного коричневого налета. – А если вдруг ночью придется ехать?

– А я ночью не хожу. А утром – на трамвае, а потом маршрутное такси до больницы, пятнадцать копеек, и я на месте. И каждый день так. А чего такого-то? Все так живут.

– Чего вы тут-то поселились, в этом медвежьем углу?

– А догадайся! Денег не было на большее. Это еще муж дом перестроил, а то была совсем халупка. Он и комнаты пристроил, и баню выстроил, и все во дворе обустроил. Рукастый был. Вот, сдури купили машину, на свою беду. «Москвич». Так вот... было счастье, и нет его. Всего лишь один пьяный шофер на лесовозе, и нет Пети с Андрюшкой. Извини, что опять тебе настроение порчу. Пойдем, пообедаем... или уже ужин? В общем, поедим и попробуем покопаться у тебя в голове.

Попробовали мы через час. Мария долго размахивала у меня перед лицом блестящим шариком, я усердно тарачился на него, но ничего не происходило. Совсем ничего. Ну кроме того, что я все время отвлекался на жужжащую надо мной муху и думал, как бы это ее прибить. Потом вдруг тихо сказал пару слов, и муха упала на пол, затихнув, как мертвая. Каковой, в сущности, и являлась.

– Чего это было? – удивилась Мария. – Ты чего сейчас сказал?

– Я сказал?

– Да, ты сказал. Какие-то два непонятных слова. Что за слова такие? На каком языке?

– А я говорил?

– Тьфу! Ты сейчас сказал два слова. Повтори их.

– Не могу. Я вообще не помню, чтобы что-то говорил.

– Интересно. Очень интересно. Все-таки ты на секунду поддался гипнозу. Похоже, что я что-то вытащила у тебя из головы.

– Не знаю. Если только волос...

Опять ночь. Опять мысли. Опять мне не спится, и опять я иду на турник. Спокойствие через усталость? А что делать?

– Раз, два, три, четыре, пять... – как заведенный поднимаюсь и опускаюсь, подтягиваясь на турнике. Кстати, очень даже прилично подтягиваюсь – за один подход сорок с чем-то раз. Это совсем даже недурно – по крайней мере, мне так кажется.

– Что, бесов изгоняешь? – слышался голос Марии. Я посмотрел – она сидела на крыльце, закутанная в одеяло. – А молитвой не пробовал?

– Не пробовал, – растерялся я, повиснув, как груша, – а откуда ты знаешь, что бесов...

– Да сама такая. Тоже впору на турнике висеть. Два года без мужчины, а ты так похож на моего мужа...

Мы помолчали, потом Мария встала и ушла в дом. Я спрыгнул с турника, сходил в душ, вытерся и побрел в свою комнату. После улицы было темно – за окном светила полная луна, а в комнате темень, как в погребке. Стал прокрадываться на ощупь, чуть не свалил какую-то кастрюлю, удержав в последний момент, и, пройдя к себе, нащупал край дивана. Только нацелился плюхнуться на него всеми восемьюдесятью килограммами, как услышал:

– Ти-ше! Раздавишь.

– Ты? А как же твои декларации о том, что я подопытный кролик, а ты всего лишь добрая самаритянка, и между нами ничего не будет?

– Я подумала, а какого черта? Я что, не имею права? Я взрослый человек, мне тридцать лет, какого черта я строю из себя недотрогу, когда в глубине души хочу этого просто до воя. Иди ко мне...

Женщина откинула одеяло, отодвинулась, давая мне место, и я осторожно прилег рядом. Несколько секунд мы тихо лежали, касаясь друг друга плечом, потом я поднял руку, положил Марии на бедро и осторожно повел вверх, задирая тонкую ткань ночной рубашки. Ее кожа сразу покрылась мурашками, и женщина усмехнулась в темноте:

– Щекотно. Боюсь щекотки.

Я провел рукой по обнаженному телу, по напрягшейся груди, по животу, плоскому, как у нерожавшей девушки. Мария часто задышала и, тихо простонав, попросила:

– Не тяни время... нууу!

Я вошел в нее, осторожно, как будто вспоминая, как это надо делать. Она подалась ближе и резко вжалась в меня, захватив руками и ногами, извиваясь, как в болезненной судороге...

Потом мы лежали, расслабленные, покрытые любовным потом, и молчали, глядя в потолок. Затем Мария спросила:

- А кто такая Василиса? Ты вспомнил?

- Василиса? Почему ты спросила?

- Ты, когда кончал, сказал: «Василиса, милая!» Так ты вспомнил, что это за Василиса?

- Нет... не помню. Ничего не помню. Я был слишком увлечен тобой. Кстати, можно интимный вопрос?

- Какой? - Мария насторожилась, я почувствовал, как ее тело напряглось.

- А почему ты не брешь... хмм...

- Лобок? Ты чего, стесняешься сказать это слово? Вот смешной! А с чего я должна его брить? Оп! Еще одна зацепка - Василиса, бритый лобок - она что, из восточных женщин? Это у них принято выщипывать все волосы на теле. Но имя русское, русее некуда. А что, тебе нравится гладкое тело, без волос?

- Хмм... не задумывался. Наверное, да. Да. Нравится. Мне кажется, что это гигиенично, красиво и сексуально.

- Как? Сексуально? У нас так не говорят... у нас бы сказали - привлекательно. Интересно, очень интересно.

- Ну что ты меня все исследуешь? Хоть в постели не препарируй мой мозг!

- Да я тебе хочу помочь... ну не хочешь, займемся другим делом. Ты готов?

- Так-то готов, но не прочь, чтобы ты помогла...

- Как? Сплясать танец живота? Так на востоке принято?

- Нет. Гораздо проще, - и я объяснил и показал ей, что нужно делать.

- И ЭТО на востоке принято? - фыркнула Мария. - Так-то я не против, но...
впрочем - не против. Интересный у тебя опыт. Я широких взглядов, но эти
заморские штучки простая женщина бы и не поняла...

Утром Мария была веселой, впервые, как я ее увидел, на ее лице не было этой
печати обреченности. Мы позавтракали, и когда уже допивали чай, мне в голову
пришла одна мысль:

- Слушай, а мы ведь не предохранялись! Ты не боишься?..

- Беременности? Так для того мы с тобой и спали. Ну не только для того, -
поправилась Мария, - но и для этого тоже. Мне уже лет сколько? Мужа не
предвидится, а ребенка хочу. Не одной же век доживать. Так что ты как раз
вовремя. Да не переживай - никто ни к чему тебя не обяжет. Уйдешь, когда
захочешь. Ребенок мой, и только мой. Тебе двадцать лет, мне тридцать - мы все
равно не будем жить вместе, я прекрасно понимаю. Но не воспользоваться тем,
что со мной рядом живет красивый молодой мужик - это глупо. Ну не бегать же
по городу и кричать - переспите со мной кто-нибудь, я ребенка хочу! А коллеги
по работе такие уроды, скоты, да и служебные романы - это гадость. Потом не
развяжешься. Кроме мужа, у меня никого не было, да, скорее всего, и не будет.
Пока ты тут - почему бы... в общем - забудь. Это моя проблема.

- Ну-ну, - неопределенно промычал я, не зная, что ответить, - а когда ты будешь
свои лекарства применять? Ну те, что для вскрытия моего мозга?

- Для вскрытия мозга? Ну и ляпнешь же! - рассмеялась Мария. - Должны
подвезти, завтра позвоню на работу. Надо будет там появиться.
Экспериментальные средства - нам дают их военные, чтобы испытать в
клинических условиях. Ничего опасного - психотропные средства,
растормаживающие мозг. Мне кажется, что твоя амнезия может быть устранена
при помощи этих средств, ну и при помощи гипноза. Они сделают тебя более
податливым к моему воздействию. По крайней мере, надеюсь на это. Ну что,

закончил завтрак? Поехали за фотографиями, паспорт тебе делать будем.

Паспорт сегодня мы все-таки получили. Мария отказалась сказать, сколько она отдала паспортистке, заявив, что это не мое дело. Дело заняло часов пять – пока доехали, пока дождались документов, пока... в общем – Иван Петрович Сидоров теперь обладал не только паспортом, но даже пропиской – Мария прописала меня в своем доме. Оставив меня дома, она снова уехала – в клинику, за лекарствами, а я остался смотреть телевизор.

Ужасный аппарат. Просто ужасный. Вначале я долго искал пульт управления – ведь он должен быть! Пульты не нашлось. Потом думал, как включить – включил, и сплюнул с досады – изображение черно-белое. Пощелкал переключалкой каналов, с опаской, боясь, что она тут же обломится. Не обломилась. Впрочем – ничего хорошего по этому телевизору мне тоже не обломилось. Смотреть было нечего. Комбайны, движущиеся по полю, бодрый голос диктора о надоях и удоях – тоска смертная. Стоически выдержал, когда пройдут новости, из которых я узнал сведения, ну совершенно необходимые современному человеку, например: стартовал космический корабль «Союз-21» с космонавтами Жолобовым и Волиновым. Ура советской космической промышленности! Но это была самая интересная новость из тех, что я услышал. Остальное просто было тоскливо – какие-то смены власти в банановых республиках, кто-то там стал главой чего-то, и опять – уборочная, пахота, сверх плана, бла-бла-бла.

Незаметно для себя уснул под бормотание телевизора и проснулся тогда, когда пришла Мария, хлопнув дверью.

– Заждался? Не голодный?

– Заснул под телевизор. Слушай, а чего такие нудные передачи? Поглядеть больше нечего?

– А вон лежит программа передач. Что-то интересное отмечено ручкой. А так, конечно, днем глядеть нечего. Днем люди работают, им некогда телевизионные передачи разглядывать. А ты и не знал?

– Не знал. Получила лекарства?

– Получила. Сейчас переоденусь, руки помою... нет – сполоснусь пойду, жарища, просто дышать нечем. Вспотела, как черт знает что.

Мария вышла из дома, а я остался сидеть перед бормочущим ящиком, раздумывая о том – стоит ли мне связываться с этими лекарствами? На кой черт это мне нужно? Хлопнула дверь, и в дом влетела Мария, встрепанная, с вытаращенными глазами:

– Там что творится, ужас!

– А что творится?

– Соседскую девчонку кто-то убил и изнасиловал. Нашли сегодня утром, у пруда – все рыдают – девочке было всего тринадцать лет! Вот твари! Изуродовали всю, как будто кто-то ее кусал.

Мария вдруг замерла и осеклась, посмотрев на меня. Потом села на стул, положив руки на колени, и негромко сказала напряженным голосом:

– Беда будет. Сейчас сопоставят то, что ты покусал того дагестанца, то, что ты живешь у меня, и...

– Надеюсь, ты не думаешь, что это я убил девочку? – сердито буркнул я. – Уж если на то пошло, я всю ночь провел рядом с тобой. Или скорее – на тебе. Впрочем – как и ты на мне. Никуда не выходил.

– А кто нам поверит? Все уже решили, что ты мой любовник, а когда начнется заваруха, решат, что я тебя покрываю. Вот это мы влипли, – женщина зажала голову руками и закрыла глаза.

– Пойдем, посмотрим, что там происходит?

– А чего там смотреть – милиция, народ рыдает. Сейчас только появишься – сразу возьмут за задницу. Лучше давай-ка займемся тем, чем собирались. Я все-таки быстренько сполоснусь и прибегу. А ты жди и никуда не ходи. Иначе накличешь на нас беду.

Отсутствовала она минут десять. Пришла с мокрыми волосами, одетая в легкий халатик. От женщины пахло земляничным мылом и свежестью. Запах этого мыла, наверное, будет преследовать меня всю жизнь, подумалось мне, он уже четко ассоциируется с Марией.

Ее халатик при ходьбе распахивался, обнажая длинные стройные ноги, и Маша, заметив мой взгляд, усмехнулась:

– Не до этого сейчас. Прибереги свой пыл для ночи. Давай-ка, укладывайся на диван. Я взяла простерилизованные шприцы, сейчас вкачу тебе дозу препарата.

В общем, так: по описаниям, этот препарат раскрывает твое подсознание, позволяя врачу воздействовать на твой мозг. Я попытаюсь ввести тебя в транс и поговорить с тобой ТЕМ, а не с ЭТИМ. Твоя старая сущность сидит где-то в глубине мозга, и наша задача вытащить ее наружу. Или хотя бы начать этот процесс, процесс восстановления. Если получится, твоя память будет возвращаться, по капельке, как ведро, наливаемое из капающего крана, если так тебе будет понятнее. Но не нужно ждать быстрого результата. Главное, запустить процесс, прорвать плотину, а там уж... Ладно, хватит, ближе к делу. Сожми руку в кулак... нет, вот так – покачай, сжимай и разжимай. Ага, так. Мне придется дать тебе дозу вдвое больше, чем положено – сдается, что твой организм уничтожит препарат раньше, чем он как следует сможет пройти в мозг. Надеюсь, не успеет совсем уничтожить, и хоть что-то останется. Вот так... терпи! Ты же мужчина! Почему все мужики так боятся уколов? Ждем... раз, два, три... чувствуешь? Чувствуешь действие препарата? Что ощущаешь, рассказывай!

– Я как пьяный... в голове звон, все крутится, вертится...

– Хорошо. Смотри сюда... следи за шариком... следи... спи... спи... спи...

– Проснись! Проснись, Вася!

– Василиса? Что?.. Мария! Как все прошло? – Я уперся взглядом в лицо нависшей надо мной женщины и потер глаза, прогоняя одурь.

– Прошло. Нормально или нет – не знаю. – Мария села рядом и взяла меня за руку, считая пульс, – черт! После двойной дозы препарата H345, и ты как

огурчик! Интересно, а яд тебя может убить?

- Не согласен!

- Чего не согласен?

- На яд не согласен. Не буду пить, не дам его мне колоть!

- Фффух... вот чудак. Не собираюсь я тебе колоть яд. Теперь слушай. Я попыталась опросить твою вторую сущность, ту, что была до амнезии. Почти безуспешно. Все, что выяснила, - тебя раньше звали Вася. А дальше идут совершеннейшие непонятности. Ты понес какой-то бред, значения которого я не понимаю.

- Что за бред? Можешь дать прослушать запись? Ведь ты записала на диктофон?

- Что такое диктофон? Еще странность... ты как не от мира сего. Нет, я запоминала. Выглядело это примерно так: на мой вопрос, кто ты, ты ответил: «Я грифон. Я человек. Я маг». Я спросила трижды, и все три ответа на вопросы были разными. Далее - на вопрос, кто такая Василиса, ты ответил: «Моя жена. Принцесса. Я спас ее от колдуна». Похоже, что ты в детстве начитался каких-то сказок, они отложились у тебя в мозгу, переплелись с реальностью и создали непонятную сущность. Слишком мало данных, слишком. Ничего нельзя понять. Ну и так далее - какая-то ахиня про летающих людей, заклинания и все такое прочее. Ничего дельного больше добиться не удалось. Ну вот, в общем-то, и все. Удался опыт? Вероятно - удался. Кое-что мы все-таки узнали. Теперь ты расскажи, что ощущаешь? Нет ли каких-то мыслей, мыслеобразов, картинок, наводящих тебя на прошлое? На твое прошлое?

- Нет. Ничего не помню, - с сожалением сказал я, - вроде как зудит что-то в голове, какие-то странные слова, но из моей жизни вспомнить ничего не могу. Ничего. Всплывает картинка рыжей девушки, и тут же меняется картинкой шатенки. Я знаю, что это та же самая девушка, но кто она, почему ее лицо меняется - вспомнить не могу. Никак не могу. Даже голова заболела.

- А что-то еще? Вот эти странные слова, что у тебя бьются в голове? Может, ты полиглот? Знал много языков? Что за слова? Скажи что-нибудь!

– Застакупион секандур! – выговорил эти слова и непроизвольно сделал странный жест рукой. В воздухе повис светящийся знак, похожий на скрипичный ключ. Он медленно таял в воздухе, не обращая внимания на наши физиономии с вытаращенными глазами и раскрытыми ртами.

– Это что такое? Это как это? – закашлявшись, хриплым голосом сказала Мария. – Этого не может быть! Не может быть! Колдун?! Колдовства не бывает! О господи... вот это я взяла домой щеночка... а он-то оказался единорогом, а?

– Нет у меня рога, – усмехнулся «колдун», – если только ты наставишь со своими коллегами.

– Вот они мне сдались, похотливые алкаши, – отмахнулась рукой женщина, – а еще, еще что-то можешь? Скажи еще что-нибудь!

– Хмм... – я достал из памяти один из самых длинных текстов и начал его читать – нараспев, меняя интонацию и высоту тона. Продолжалось это несколько минут, и все это время Мария сидела, жадно следя за происходящим, как будто бы сейчас я достану у себя из трусов здорового зайца и скажу: «Алле-оп! Получите!» Текст закончился, но ничего не произошло. Я улыбнулся Марии и начал:

– Вот тебе. Что за язык – я не знаю. И ничего не слу... это кто?! Что за черт?!

– Что такое? Что? – всполошилась Мария и посмотрела туда, куда глядел и я, на две темные человеческие фигуры посреди комнаты.

– Ты их видишь? Ты видишь их? – панически сказал я, почти закричав.

– Да кого, кого я должна видеть?

– Мужчину и мальчика лет шести.

– Какие мужчина и мальчик? – Мария смертельно побледнела и схватилась за горло, как будто ее кто-то душил. – Кого ты видишь, опиши.

– Мужчина, высокий, одет в куртку и брюки, заправленные в сапоги. Лица не вижу. Мальчик, лет шести, в руках держит что-то вроде пропеллера... или винта вертолета – не пойму. Они темно-серого цвета, стоят неподвижно.

– Скажи им показать лицо! – попросила Мария хриплым шепотом.

– Подойдите ближе, покажите лица! – приказал я автоматически, почему-то не сомневаясь, что они подчинятся. Фигуры сделали два шага вперед и встали под падающий из окна свет. Я закашлялся, у меня перехватило горло, и долго не мог привести себя в порядок.

– Кто это, кто? – дрожащим голосом повторяла Мария, но я мотал головой, не в силах ей сказать. Потом собрался и выдавил из себя:

– Это твой покойный муж и твой сын.

– Ты врешь! Гад! Ты врешь! Этого не может быть, не может! Зачем ты меня мучаешь?! Негодяй! Я тебя убью! Я тебя изобью! – Мария бросилась на меня и стала бить кулаками по лицу. Я не сопротивлялся. Один из ударов разбил мне губу, другой чуть не своротил на сторону нос, и из ноздрей обильно потекла кровь. Это отрезвило женщину, она широко раскрыла глаза и остановилась:

– Что такое?! Кровь? Я?! Прости! Прости. Я не хотела. Мне слишком тяжело, а твой розыгрыш был слишком жестоким.

– Маша, это не розыгрыш. Они стоят перед нами, в двух шагах от тебя. Твой покойный муж и твой сын.

– Этого не может быть! Это противоречит всем... Так, докажи! Спроси у мужа, как он звал меня в первую брачную ночь!

– Я звал ее Маришка-медвежка, за то, что она была неуклюжей, – тень мужчины кивнула головой и с тоской посмотрела на свою бывшую жену, – скажи ей, что мы ее очень любим, мы всегда с ней.

– Он звал тебя Маришка-медвежка, потому что ты была неуклюжей. И еще он говорит, что любит тебя.

Мария ахнула, зажав рот, потом тихо сказала:

– Никто не знал этого. Ты не мог знать. Если только не читаешь мои мысли. Но это тоже противоречит науке. Телепатии нет – доказано.

– Да что у тебя все – доказано, доказано! Этого нет, того нет – поговори с мужем, с сыном, пока есть возможность! Они тебя слышат и видят. Это ты их не можешь видеть. Скажи, что ты им хочешь сказать. А я пока пойду в кухню, поставлю чаю. В глотке пересохло.

Я вышел из комнаты, оставив Марию наедине с призраками и со своими мятущимися мыслями. Я не слышал того, что она говорила своим умершим близким. Да что она еще могла сказать, кроме того, как она их любит и помнит?

Подойдя к плите, пошарил взглядом – спичек нигде не было. Тогда я, совершенно автоматически, думая над тем, что сейчас происходило в зале, сказал два слова, и в воздухе снова зажегся огненный знак. Направив его энергию на газовую горелку, не успел удивиться, а вокруг нее уже заплясали голубые язычки пламени. Знак погас, а я, меланхолично плеснув воды в чайник, поставил его на огонь. Затем уселся к окну, наблюдая, как пламя газовой конфорки облизывает исцарапанное, потертое донышко.

У меня было ощущение чего-то странного, как будто во мне бурлили силы, рода которых я не знал, но каким-то образом мог ими управлять. Заклятия? Заклинания? Как это правильно называется? Заклинания, да. Я чувствовал, что это верное определение. Эти самые заклинания вертелись во мне, просились на язык, щебетали, как стая весенних скворцов, но я не пускал их на волю – кто знает, что будет, если выпущу одно из них? Если я смог запросто поджечь газовую конфорку, может, я так же легко подожгу и живое существо? Человека, например...

– Все, я сказала, что хотела. Отправь их туда, где им положено быть, – попросила Мария, входя в кухню, – скажи, а они как-то могут подать знак, что находятся тут? Мне подать знак...

Мы отправились в зал, где так и стояли два призрака, недвижно и молча смотрящие перед собой. Я попросил:

– Подойдите и потрогайте ее за щеку. Или за руку... – это я добавил после того, как увидел, что мальчик не достает до щеки матери.

Мария вскрикнула, прижала руку к щеке:

– Холод! Это ОНИ?

– Да. Это тебя коснулся муж. А холод в руке – сын. Прощайся с ними, сейчас они уйдут.

Мария заплакала, стала снова говорить какие-то слова любви, прощалась, а я выдохнул из себя три слова, которые, я чувствовал, будут правильными. Призраки заколыхались и исчезли, развеявшись, как туман, оставив в комнате ощущение холода, как будто кто-то открыл дверцу в огромный холодильник.

– Ушли, – тихо сказал я и сел за стол. Было такое ощущение, будто целый день рубил дрова – усталость, опустошение и грусть. Всегда грустно, когда видишь печаль людей, тех людей, которые тебе не безразличны. А что ни говори – эта женщина не была мне чужой. Единственный человек, принявший во мне участие в этом чужом, неизвестном мире.

Мы долго пили чай – молча, говорить не хотелось. Мария думала о чем-то о своем, видимо, вспоминала ушедших близких, а я вспоминал все, что сегодня происходило, и пытался как-то разложить это по полочкам в своей голове. Ничего не получалось. Для того чтобы связать все факты в одну цепочку, требовалось гораздо больше знаний, гораздо больше некой систематизации. А что дают эти два факта? Ну да, я умею зажигать огонь, и я умею вызывать духов. И что? Кстати, почему явились только эти два духа? Почему тут не появился целый сонм духов? Ведь встань в любом месте Земли, и окажется, что тут обитает огромное количество духов умерших людей. Так почему именно они? Внезапно я понял – во время произношения заклинания, перед моими глазами находился портрет мужа Марии и ее сына. Вот потому я вызвал именно их. Интересно, как говорит моя подруга, врач-психиатр, очень интересно...

Я помыл за собой кружку, поставил на полку, потом заметил, что ведро, подставленное под раковину, уже полно и надо его выплеснуть наружу – здесь не было канализации, что меня довольно сильно напрягало. Похоже, что я привык к гораздо более комфортабельной жизни. Взяв помойное ведро за дужку,

я вздохнул и пошел к двери.

Был уже вечер, но до темноты далеко – солнце висело над горизонтом как огромный багровый болид, каким-то образом застывший на месте. Выплеснув помои к забору на огороде, задумался – сами слова «болид», «метеорит» давали мне какой-то отклик в душе. Что-то в моей жизни было связано с болидом.

Поскрипев своими «ржавыми» мозгами, так ничего и не придумав, пошел к дому и тут увидел за забором группу из четырех человек, которые направлялись к нашей калитке. Во главе группы был капитан милиции, человек лет сорока, с красным то ли от солнца, то ли от выпивки лицом. В подмышке у него виднелась папка для документов. Второй мужчина рядом с ним был помоложе – лет тридцати. Его глаза выдавали принадлежность к правоохранительным органам – такой немного надменный, всезнающий взгляд, по-хозяйски ощупывающий людей и окружающие его объекты.

«Оперативник», – мелькнуло у меня в голове, и я сам удивился – откуда это знаю? Двое других – обычные парни. По всему видно – то ли стажеры, то ли студенты – неопытные, неуверенные в себе. Если опер и капитан – явный участковый – вошли к Марии во двор по-хозяйски, как властелины этого мира, то двое «студентов» жались неуверенно, с опаской поглядывая по сторонам.

Заметив меня, милиционеры остановились и, тихо обменявшись несколькими словами, пошли ко мне. Встав передо мной, опер и капитан молча осмотрели меня с ног до головы, остановившись взглядом на ведре в моей руке, потом капитан жестко спросил:

– Ты кто такой?

– А ты кто такой? – отреагировал я практически мгновенно и автоматически. – Что, представлять вас не учили? По-моему, не я пришел в ваш двор, а вы в мой.

Капитан покраснел, искоса оглянувшись на своих спутников, опер определенно забавлялся ситуацией, а понятые приободрились, с усмешкой глядя на конфуз своего грозного участкового:

– Я участковый этого района, капитан Федорчук. Провожу опрос жителей участка по поводу – не видел ли кто чего-нибудь в свете сегодняшнего преступления! А ты кто такой?

– Я Сидоров Иван Петрович, тут живу, – ответил я косноязычному милиционеру, явно не блещущему образованностью и умом, – и что вы хотите узнать?

– Я хочу увидеть твои документы. И узнать, где ты находился этой ночью.

– Этой ночью я находился в постели с Марией Васильевной, хозяйкой этого дома. И нам было так хорошо, что я не выходил из дома до самого утра. Паспорт сейчас вам принесу.

– Нет уж, мы вместе пойдем, спросим у этой самой Марии Васильевны, что ты за фрукт и где ты был этой ночью. Что-то мне твоя физиономия подозрительна! Ты откуда тут взялся? Мария Васильевна уже два года живет одна, и вдруг ты. Откуда приехал? Кем ей приходишься?

– Откуда приехал – не знаю. Вернее, знаю. Из психиатрической клиники, где лежал после того, как потерял память. Кем прихожусь? Сожителем. Еще вопросы будут?

Опер и участковый переглянулись, у оперативника с лица сошла улыбка, и он цокнул языком:

– Из психушки, говоришь? Интересно... Будут вопросы, обязательно будут.

Я прошел в дом, вся толпа ввалилась за мной. Мария испуганно осмотрела эту шатию и по моей просьбе принесла паспорт. Потом мы с ней долго отвечали на вопросы, которые эти двое считали очень каверзными – выпрашивали все, чуть не до поз, в которых мы занимались любовью. Затем они выдохлись, и участковый сказал, обращаясь к одному из понятых:

– Иди, позови отчима девочки, пусть посмотрит на этого парня. Он вроде как видел какого-то типа, который ходил возле их дома. Пусть опознает, если сможет.

– Это не будет законным опознанием, – предупредил опер, – надо в отдел, надо все оформлять как следует.

– Да ладно... потом оформим, если опознает. А если нет – так чего огород городить. (Откуда-то я знал, что капитан занимается чистым беззаконием – никакой юридической силы эта «очная ставка» иметь не будет.) Иди, чего встал? А мы пока еще побеседуем... Так что, Мария Васильевна, ваш пациент на самом деле здоров? И вы уверены, что он не выходил ночью? Вы что, всю ночь не спали? Следили за ним? Нет? Все-таки спали?

– Капитан, ты чего чушь городишь, – не выдержал я, – преступление совершено вечером, ты сам сказал. Мы легли поздно, уснули глубокой ночью. К тому времени девочка была уже мертва – так при чем тут выходил или не выходил из дома ночью?!

– А откуда ты знаешь, что она вечером уже была мертва? Это ты ее убил, изнасиловал и изорвал? Зачем ты это сделал?

– Ничего я не делал! Ты что, решил повесить висяк на первого попавшегося? Боишься выговора за то, что на твоем участке совершено преступление, а ты проследил? Не ищи черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет!

– Умничаешь? Сейчас придет отец девочки, тогда посмотрим, какой ты умник. Вас, психов, надо уничтожать! Одни хлопоты с вами – ходи, учитывай, отписывайся. Чем меньше вас у меня на участке, тем чище воздух. Ага, вот и они. Всеволод, посмотри, не этот парень вчера вечером ходил возле вашего дома и заговаривал с покойной девочкой?

Небольшого роста, крепенький мужичок лет сорока, благообразного вида, с застывшей на лице маской горя, внимательно вгляделся в меня. Видно было, что он что-то мучительно соображает, потом его лицо просветлело:

– Он. Похоже, что он. Мне, кстати, рассказывала соседка из дома напротив, что Машка поселила у себя психа из своей больницы. И что этот псих зверь зверем. Он, когда был в психушке, одного пациента зубами загрыз! У нее брат работает в этой больнице санитаром, так он таких ужасов порассказывал, и говорит – вся больница знает, что Машка себе хахалю-психа завела. Нет бы с нормальным мужиком связаться, а она этого поганца пригрела! Видать сама ненормальная,

свихнулась после того, как ейного мужа задавили!

– Ну и сука же ты, Всеволод! – с чувством выговорила Мария. – Мало тебе муж морду бил, когда ты меня спяну матом обложил. Гад ты!

– Вот, видите, вся их семейка такая! Бог их наказал! А этого типа я точно видал, он с моей приемной дочкой заговаривал, что-то предлагал. Она на скамейке сидела. Он ее и убил, точно! Ууууу, тварь! Сам бы тебя убил, и проститутку, тебя пригревшую!

Я встал и без замаха засветил мужичонке в пятак. Он улетел куда-то под вешалку, к дверям, а на меня навалились участковый и опер, схватив за руки. Я остановился. Хотя ужасно хотелось разбросать придурков по углам комнаты – не хватало, чтобы обвинили в нападении на представителей власти.

Пока они крутили мне руки и вязали, сказал Марии:

– Не переживай! Все будет нормально!

– Будет, будет – нормально пойдешь под расстрел! У, сука! – участковый двинул меня кулаком в бок, и я скривился от боли. – В отдел пойдешь. Вот там и расскажешь, о чем ты разговаривал с девочкой и зачем. И мы еще поговорим с руководством психушки о непристойном поведении ее врача. Устроила тут притон!

Меня вывели из дома и повели к калитке. Руки связали брючным ремнем сзади, и капитан торжествующе подталкивал меня вперед, гордо поглядывая по сторонам. А вокруг уже собиралась толпа – видимо, пронесся слух, что поймали маньяка-убийцу.

Люди стояли хмурые, со злыми, угрюмыми лицами. Потом кто-то бросил в меня камень, угодив прямо в лоб. Кожа была рассечена до кости, обильно потекла кровь, и она будто возбудила всю толпу. Люди рвались ко мне, норовили ударить, пнуть, кинуть всем, чем ни попадя. Кричали: «Дайте нам его! Дайте! Мы сами с ним разберемся! Тварь!»

Какая-то молодая женщина вцепилась мне в глаза, едва не выцарапав их острыми ногтями. Она страшно кричала, что-то вроде «Верни мне дочку! Верни!» – из чего я сделал вывод, что это была мать погибшей.

Участковый, опер и двое дружинников оттесняли толпу, пока мы шли к стоящему возле забора мотоциклу с коляской, окрашенному в канареечный цвет с синей полосой. Меня зачихали в коляску, участковый сел за руль, опер сзади, и один из понятых, вцепившись мне в плечо, уместился прямо у меня на коленях, зажав меня как в ловушке. Ни выскочить, ни сделать резкого движения.

Мотоцикл чихнул, заревел и увез меня от разъяренной толпы. Вслед полетели несколько палок, камней, но ни один из снарядов больше не достиг цели.

Мне было больно, хотя рана быстро закрылась и кровь уже не текла – болели руки, туго перетянутые ремнем. Они были сложены позади, так что я на них опирался, да плюс вес стажера, сидящего на мне, руки практически шли на излом, и я с трудом сдерживался от крика, когда мотоцикл подсакивал на очередной кочке. А их было несметное количество. Хорошо еще, что ехать было недалеко – райотдел находился в пяти минутах езды от дома Марии.

Дежавю. Так это называется? Ощущение того, что я видел этот отдел много, много раз. Так что – я преступник? Меня сюда много раз приводили?

Запах карболки, серые стены «обезьянника», забрызганные цементным раствором. Плоская доска нар, железная дверь с решетчатым окошком. Слышно, как милиционеры переговариваются, принимают звонки, смеются и матерятся, как сапожники.

Меня втокнули в эту камеру, обыскав с ног до головы, сняли ремень с запястий и с лязгом захлопнули дверь. Как будто забыли про меня...

Прошло полчаса, а может, больше – звук открывающейся двери:

– Эй, маньяк, на выход! Руки вперед!

Я протянул руки, и на них защелкнули стальные «браслеты». Потом милиционер подтолкнул меня вперед и, держа за предплечье, повел наверх, на второй этаж.

Встречные с интересом рассматривали меня, а один старший лейтенант спросил у провожатого:

– Это тот маньяк, которого Федорчук поймал? Ну, везучий, зараза! Теперь майора получит! Ну что мне не везет все?

– Потому что ты больше бухаешь, чем на участке работаешь, – пробурчал сержант.

– Ты-то откуда знаешь, Степа? У тебя работа непыльная – сиди себе при камере и сиди. Отсидел – и домой. А я работаю! – голос лейтенанта затих на лестничном пролете этажом ниже, и мы поднялись на второй этаж.

Длинный коридор застелен каким-то серо-коричневым линолеумом, бежево-грязные стены и подоконник с умершими от голода мухами покрыт пылью. «Что, не убирают у них, что ли, – подумал я, – свинарник настоящий».

Сержант подвел меня к двери с надписью «Заместитель начальника уголовного розыска» и оставил у стены, заглянув в кабинет:

– Привет, Василич! Привел к тебе маньяка.

– Заводи! – слышался хриловатый голос, и меня втолкнули в кабинет. В нем сидели человек пять – участковый Федорчук, опер, с которым он был, и еще трое мужчин примерно одного возраста, похожие на всех остальных – похоже, что опера. Они были возбуждены, лица покраснелись – то ли от того, что в кабинете было жарко, то ли от выпивки – здесь ощутимо пахло спиртным. Похоже, что вся компания праздновала поимку злодея.

– Петро, закрой дверь за Степой, – приказал высокий мужчина лет тридцати пяти, – на замок закрой. Мы сейчас с маньяком беседовать будем.

– Ухожу, ухожу, – заторопился сержант, – ваши дела – это ваши дела.

Дверь захлопнулась, и я остался стоять посреди комнаты, равнодушно глядя на обитателей кабинета. Они тоже смотрели на меня, и на их лицах сияло удовлетворение хорошо сделанной работой. Дело было за малым – надо, чтобы

маньяк признал себя маньяком. А то – что такое получается – вроде и поймали маньяка, а «царицы доказательств» – чистосердечного признания – нет.

– Ну что, маньяк, надо написать чистосердечное, – участливо сказал старший, «Василич», – тебе же легче будет. И всем нам. Нужно написать – зачем ты убил девочку, почему порвал ее, откуда у тебя появилось такое патологическое желание. Тебе помочь? Смотри, как надо начать: «Я, Сидоров Иван Петрович, почувствовал желание кого-то убить. А с детства мне нравятся маленькие девочки, особенно в белых колготках. Я убил ее, изнасиловал и выпил кровь».

– Я никого не убивал. Это все выдумки вашего участкового. Ему захотелось звездочку на погоны, вот он и подставляет всех, кого не лень. Я просто оказался не в том месте, не в то время. Вот и все.

– Федорчук, а чего он в крови? Вы что, его били там? Все никак не научитесь бить так, чтобы крови не было, и одновременно, чтобы клиент понял свою неправоту, вот так! – мужчина без замаха ударил меня в печень, и я скрючился от невыносимой боли, а потом упал на пол, теряя сознание. Сквозь туман в голове я услышал, как чей-то голос сказал:

– Василич, прибьешь маньяка, потом хлопот не оберешься! Ты на хрена его в печень-то? Эдак и помереть может.

– Да я вроде легонько, не рассчитал. Сажайте его на стул, сейчас мы с ним поговорим, как следует с маньяками.

Меня грубо втащили на стул со сломанной спинкой и начали избивать.

Били беспорядочно, но удары сыпались один за другим – по почкам, в солнечное сплетение, по голове, – вначале старались не пускать кровь, а когда участковый рассказал, что в меня кидали камнями и рассекли лицо, успокоились и начали бить по полной, выбив передние зубы и надорвав ухо. Один из оперов со смехом заявил, что мне зубы на тюрьме не понадобятся – без них меня удобнее использовать соседям по камере. Меня же обязательно опустят – таких тварей, как я, насильников и убийц несовершеннолетних, обязательно опускают.

Все время упорно спрашивали:

– Будешь писать? Сознаешься? Ведь это ты убил! Сознайся, и это все прекратится. Сознайся, напиши! Мы сами все напишем, а ты только расскажи и подпиши!

Я молчал. Только когда в очередной раз участковый подошел слишком близко, изловчился и врезал ему ногой в пах. Тот завыл, присел, зажав гениталии, а меня сбили со стула назад (теперь я понял, почему спинка стула сломана) и начали пинать ногами. Больше всех усердствовал участковый, который даже запрыгнул мне на грудь, на живот и стал меня топтать, матерясь и брызгая слюнями.

В этот момент кто-то постучал в дверь. Все затихли, отойдя от моего бездыханного тела, и я сквозь темнеющее сознание услышал, как резкий голос отчитывает тех, кто был в комнате:

– Дебилы! Вы что наделали! У него все ребра сломаны, зубы выбиты! Он же не дышит! Глупые суки – вы пойдете под суд, в Нижний Тагил поедете, козлы тупорылые! Вот что теперь с ним делать?! Ну что, уроды?

– Может, «Скорую»... ну, увлеклись, Валентин Федорович... он ведь, тварь, порвал девчонку, кровь из нее пил. Жалко. Вот и не рассчитали. Что делать-то?

– Что-что, думать надо! Ну, идиоты, ну скоты – не допросом вы увлеклись, а водкой! Василич, от тебя я такого вообще не ожидал.

– Виноваты... так что делать-то, Федорыч? Помогай, ты же умный!

– Вот что, сейчас я возьму ключи от выхода через паспортный стол. Ты подгони машину к второму входу. Мы загрузим его в машину, потом вывезем за город и закопаем. Будем считать это справедливым наказанием за преступление. И всем молчать! Если кто-нибудь, когда-нибудь вякнет – я сам пристрелю!

– Да ты че, Федорыч! Мы по гроб жизни! Да мы...

– Заткнитесь! Давай быстро машину гони. А вы заверните его вот в эти мешки.

– Он вроде немного дышит. Может, все-таки «Скорую»?

– Заткнись, дурак! Это все равно что подписать вам всем приговор! Дышит – скоро перестанет дышать. С такими повреждениями не живут. Классно вы постарались... костоломы гребаные. Он как кисель, вы ему даже ноги переломали.

– Это все Федорчук! Парень ему по яйцам засветил, вот он и оторвался.

– Че я, че я, а вы? Кто его дубинкой мочил, не ты? Кто его в голову пинал?!

– Заткнитесь, придурки! Аккуратно взяли и понесли!

– Федорыч... а как мы его спишем? Куда он делся-то? Он же проходит по дежурной части...

– Мы с ним побеседовали, убедились, что он непричастен, и отпустили. Так всем и скажи. Убийца кто-то другой, и парень это доказал.

– Это же всяк... опять нас драть будут.

– Дебил! Ты хочешь, чтобы тебя драли на зоне, в твою толстую ж..?! Заткнись и делай, что умный человек тебе говорит! Понесли!

Я все слышал как сквозь сон. Это был кошмар. Настоящий кошмар, из которого хочешь выскочить, но не можешь. Боли уже не было. Тело реагировало на толчки тупо, как деревянное. Сквозь мешки, которыми меня обмотали, я не мог видеть, куда меня несут. Впрочем – я так и так не смог бы видеть. Заплывшие от ударов глаза и без этого не смогли бы ничего рассмотреть.

Меня шмякнули на что-то твердое, закачавшееся подо мной, как я понял, сунули в багажник машины. Заработал движок, машина закачалась от влезших в нее мужчин и поехала. По дороге милиционеры заехали, как я понял, на дачу к одному из них, взяли лопаты, бросили на меня, и машина возобновила движение.

Остановились минут через тридцать. Хлопнули дверцы, открылся багажник, и меня потянули вверх. Я непроизвольно застонал от боли, видимо, начала возвращаться чувствительность к поврежденным тканям – ускоренная регенерация стремительно залечивала тело.

- Глянь, все живой! Мы что его, живым похороним?

- Копай, копай давай! Рассуждаешь еще! Раньше надо было думать! Кстати, положи его паспорт к нему в карман. Если что - он ушел с отдела сам, а если случайно, каким-то чудом, найдут его могилу - спишем на то, что его грохнули разъяренные народные мстители из числа соседней девочки. Обязательно всем расскажите, что он не виноват, что он сам ушел, что его алиби безупречно. А так - пропал и пропал, кому какое дело до психбольного?

Минут двадцать продолжалось пыление и удары лопат о землю, о камни. Милиционеры ругались на то, что земля пронизана корнями, что копать трудно, наконец один из них плюнул и выматерился:

- Твою мать! Хватит! И так не выберется.

- Могут звери раскопать или собаки...

- Да наплевать! Пока раскопают - он уже сгниет.

- Ладно. Теперь по очереди берите монтировку. Его нужно добить. Вдруг кто пойдет мимо, а он будет из-под земли стонать. Живучий, гад. Психи - они живучие. Федорчук, ты первый.

- А куда бить-то?

- Куда попадешь, толстожопый! Бей! Так, так! Теперь Василич! Теперь ты. И ты.

Дальше я уже не слышал. Последние удары погасили мое сознание, и момента, когда меня скидывали в яму и закапывали, я не осознавал.

Глава 4

Дышать было трудно. Меня что-то сжимало со всех сторон, как будто я был придавлен тяжелой стеной. Темно и жутко. Меня начала охватывать паника, но я

заставил себя успокоиться – надо определиться, что со мной. Во-первых, кто я и где. И так – я Сидоров Иван Петрович. И я попал в милицию. И они меня били и решили, что убили. Скорее всего – закопали. Я в могиле. Что делать?

Прежде всего – никакой паники. Когда лежал возле могилы, слышал, что они копали ее неглубоко, а значит, есть шанс. Значит, нужно сосредоточиться и попробовать откопаться. На голове мешок, но руки свободны, зажаты подо мной. Тихонько стараюсь передвинуть их вперед-назад – получается! Осыпаю, утрамбовываю грунт, а он песчаный, где-то под соснами закопали, в лесу.

Добрался руками до лица, осыпал с него песок, вдохнул воздух. Он где-то проходил, где-то есть нора, иначе я бы давно задохнулся. Впрочем, задохнулся ли? При моей регенерации можно ожидать и гораздо более странных событий...

Уперся руками в пол могилы, напрягся изо всей силы, стараясь поднять лежащую на мне толщу лесной супеси. Слава богу, они меня не утопили и не расчленили – тогда бы шансов никаких. А так – у меня полопались сосуды на лице, затрещали сухожилия, но я, как огромный червь, приподнял землю и вырвался наверх, жадно хватая ртом прохладный лесной воздух, напоенный запахом хвои и лесных трав. Остро пахло раздавленной клубникой, видимо, когда убийцы топтались на поляне, они подавили ягоды.

Последним усилием вытолкнул себя наверх и застрял в яме – ноги присыпаны землей, а верхняя половина туловища на краю ямы. Сил не хватило выбраться полностью... упал. Спасибо этим уродам – поленились закопать меня как следует. Впрочем, поленились ли? Они были уверены, что наверняка убили. Найти меня все равно найдут, вернее мой труп – так свалят на кого-нибудь, может, на того же отчима погибшей девочки. Я же ему морду разбил. Вот, мол, он и отомстил, и за себя, и за девочку. А может, еще найдут подходящий объект, на который можно навесить дело. Лихо они тут работают, очень лихо. Таких тварей нужно не то что сажать – просто расстреливать! Такие «правоохранители» хуже бандитов.

Полежал на краю ямы, освежился, в голове прояснилось. И тут же почувствовал, что мне трудно дышать. Как будто что-то мешало, стискивало сердце, не давало расправиться груди.

Напрягся, окончательно выдернул себя из ямы и встал на колени, ощупывая тело. На груди руки наткнулись на что-то холодное и острое – наклонил голову, сфокусировал глаза, продираясь взглядом через опухшие, разбитые брови, и в предутреннем сумраке увидел торчащий из груди металлический стержень. Конец стержня был цилиндрическим, со следами ударов молотка. Пощупал спину – с трудом изогнувшись и закашлявшись – стержень елозил по ребрам при каждом вздохе и причинял боль. Сзади стержень был расплюсчен в форме лопаточки. Определил – фомка или маленький ломик.

Встал на ноги и, пошатываясь, подошел к ближайшей сосне. Потом снова опустился на колени, на подушку из сосновых иголок, примерился, взяв ломик ближе к груди, и рванул изо всей силы, выдергивая его из тела. С первого раза не получилось – упал на бок, меня затошнило от боли, но я сдержался. В груди сразу захлюпало, заклокотало, видать, кровь хлынула в порванные легкие. Стал кашлять, и на губах появилась кровь.

Утерся, собрался с силами и еще раз рванул железку. Она с противным скрежетом по кости выскользнула из меня и упала на землю – как и я, мертвым железом. Я потерял сознание.

Сколько был без сознания – неизвестно. Только, скорее всего, недолго – солнце еще не встало, вероятно, было около четырех утра. Предутренний сумрак, запах свежей земли и крови.

Постепенно дыхание пришло в норму, в груди уже не клокотало, грудь свободно поднималась и опускалась – хорошо быть колдуном. Тебя убивают, втыкают в грудь железки, а ты как огурчик!

«Огурчик» ухмыльнулся распухшими губами и ощупал пеньки на месте передних зубов. Несколько задних тоже были сколоты и при прикосновении языком причиняли невероятную боль, просто до воя, видимо, были обнажены нервы.

Поднялся на ноги и побрел куда глаза глядят. А глядели они у меня на огни города, находившиеся где-то далеко впереди. Остро захотелось увидеть Марию, и я представил ее лицо – таким, каким запомнил его в последнюю нашу с ней ночь, – припухшие от поцелуев губы, влажный розовый язычок, неумело ласкавший меня тогда, когда я уставал, зеленые глаза, смотрящие в мои, как будто хотели рассмотреть там то, что не видно никому, даже мне.

Внезапно как будто что-то щелкнуло, зазвенело, как струна, и я увидел в пространстве багровую нить. Откуда-то я знал, что она вела меня к Марии. Просто был уверен в этом.

Нить была довольно толстой и исчезала где-то в огнях, там, куда я и собирался идти – только чуть левее. Присмотревшись, я увидел вдалеке массив леса и, создав в голове картинку, понял – вдоль этого массива течет небольшая речка, почти ручей, и подходит с тыльной стороны к участку, где стоит дом Марии. То есть, чтобы добраться до ее дома и при этом максимально избежать попадания на глаза кому-нибудь из аборигенов, нужно добраться до речки, спуститься в овражек и зайти с тыла. Все просто, все легко! На словах.

А на деле – идти было трудно. Сломанные ноги, видимо, плохо срослись, криво, я ковылял, будто какой-то инвалид, в сущности – я таким и являлся. Левая рука искривлена, в челюсти справа вмятина – сюда бил участковый этим самым ломиком. А удар, пробивший мне грудь, был, так сказать, контрольным выстрелом. Ни один человек с ломиком в груди никогда бы не выжил. Или я не человек?

Дорога к лесу заняла около часа, я наращивал скорость и в конце уже довольно шустро передвигался – как полураздавленный автомобилем краб, волочащий сломанные ноги к морскому прибору.

Ноги тряслись от слабости, суставы, перебитые негодьями и каким-то чудом восстановившиеся, скрипели, трещали и грозили лопнуть – видимо, времени, чтобы восстановиться, было все-таки недостаточно. Но мне нужно двигаться, и, сжав обломки зубов, я упорно, как человек из рассказа Джека Лондона «Любовь к жизни», тащился и тащился вперед, теряя сознание и снова пробуждаясь. Тело работало практически без моего участия, и я даже удивился, когда в конце концов оказался у забора позади дома Марии. Дошел.

В заборе маленькая калитка. Я скинул со столбика веревочное кольцо и медленно, хромя, двинулся к дому. Окна были темны, дверь закрыта, вокруг ни души. Только следы ног – вчерашние блюстители порядка натоптали на грядке с цветами, раздавив кустик ночной фиалки. Она одуряющее пахла и напоминала мне что-то из моей прежней жизни... дедушка. Дедушка! Мелькнуло смеющееся лицо, обрамленное седыми волосами – борода. Мой дед. Потом картинка ушла...

Я постучал в окно – осторожно, костяшками пальцев. Потом еще, еще... Долго никто не отвечал, потом испуганный голос из-за занавески спросил:

– Кто там?! Кто это?!

– Маша, это я, Иван.

– Ты?! – за дверью закопошились, она распахнулась, и в прихожей вспыхнул свет тусклой лампочки, показавшейся мне целым прожектором.

– Аааах! – вскрикнула Мария. – Ваня, ты?! Откуда? Что с тобой?

Я покачнулся и упал бы, если бы женщина не подхватила меня под руку. Она практически втащила мое изломанное тело в коридор и опустила на пол. Затем захлопнула входную дверь и снова посмотрела на меня, ахнув и зажав рот рукой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/evgeniy-schepetnov/vozvraschenie-grifona>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)